ДВ96
П16

А. А. Пановъ.

344220.

ЖЕЛТЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ПРИАМУРЬѢ.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Хабаровская краевая библиотека

(Отдѣльный оттискъ изъ № 7 журнала „Вопросы Колонизаціи“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

1896
17165

Желтый вопросъ въ Приамурьѣ.

(Историко-статистическій очеркъ).

I.

Общія замѣчанія.

Различная степень перегруженности желтой расой Амурской и Приморской областей. Національныя особенности китайцевъ и корейцевъ въ выборѣ труда. Необходимость оцѣнки ролп и значенія труда каждой изъ этихъ національностей въ общей экономической жизни края.

Наша широкая публика еще совсѣмъ недавно почти не интересовалась Дальнимъ Востокомъ. О немъ знали очень немного, и то, что знали, было крайне сбивчиво, поверхностно и противорѣчиво. За послѣдніе годы интересъ къ этому краю оживился. На страницахъ газетъ мы все чаще и чаще встрѣчаемъ корреспонденціи и цѣлыя статьи, посвященныя Приамурью, Маньчжуріи и отношеніямъ нашимъ къ ближайшимъ азіатскимъ сосѣдямъ. Появляются цѣлыя книги объ этомъ, такъ долго находившемся въ забвеніи краѣ, а въ прошломъ году началъ выходить даже спеціальный журналъ, имѣющій своею цѣлью объединеніе тѣхъ немногихъ силъ, которыя работаютъ надъ изученіемъ Дальняго Востока и ознакомленіе съ нимъ русскаго общества. Мы начали немного понимать, какой громадной государственной важности значеніе и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи имѣетъ для насъ эта страна; но все же мы далеки отъ яснаго, отчетливаго представленія о ней, и многіе, имѣющіе большое государственное значеніе мѣстные вопросы, вслѣдствіе слабаго знакомства съ краемъ, имѣютъ для насъ лишь абстрактное, почти академическое значеніе. Къ числу этихъ

неясныхъ, мало разработанныхъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о внѣдреніи къ намъ въ Приамурье желтой расы.

„Россія для русскихъ“—говоримъ мы и съ высоты этого національнистическаго лозунга готовы чуть не однимъ почеркомъ пера разрѣшить этотъ, больной для Приамурья вопросъ. На самомъ же дѣлѣ разрѣшить его не такъ легко, какъ кажется. Отсюда, „изъ прекраснаго далека“ Европейской Россіи, могутъ казаться незамѣтными многія изъ тѣхъ тонкихъ нитей, которыя связываютъ насъ съ нашими сосѣдями на Дальнемъ Востокѣ крѣпкими узами взаимной экономической зависимости. Отсюда вопросъ о внѣдреніи къ намъ чуждой расы можетъ казаться только большимъ желтымъ пятномъ, безъ ясныхъ очертаній въ контурахъ, безъ всякихъ разслоеній внутри. Но тамъ, на мѣстѣ, онъ оказывается измѣнчивымъ и во времени и въ пространствѣ и столь же пестрымъ, какъ пестра самая жизнь.

Начать съ того, что входящія въ составъ этой обширной окраины двѣ области далеко не въ одинаковой мѣрѣ перегружены желтокожимъ населеніемъ. По всеобщей переписи 1897 г. на 100 русскихъ числилось иностранцевъ и инородцевъ въ Амурской области 13,6, а въ Приморской 49,1. Такое же, приблизительно, соотношеніе иммиграціи въ обѣихъ этихъ областяхъ сохраняется и въ настоящее время. Такъ, судя по губернаторскимъ отчетамъ, въ Амурской области въ 1905 г. считалось иностранцевъ 6,1%, а въ Приморской, по даннымъ 1906 г., 33%.

Относительное значеніе для края китайцевъ и корейцевъ, по ихъ численности, также не одинаково. Въ 1897 г., напримѣръ, числилось въ Амурской области корейцевъ 1.562 человѣка или 1,29% всего населенія области, а китайцевъ 11.160 человѣкъ или 9,28%. Въ Приморской области въ томъ же году зарегистровано корейцевъ 12.436 человѣкъ, или 5,5%, а китайцевъ 31.157 человѣкъ, или 13,5% всего населенія.

Въ равной мѣрѣ неодинаково соотношеніе этихъ двухъ національностей и по роду ихъ занятій. Согласно переписи 1897 г., занятія корейцевъ и китайцевъ распредѣлялись слѣ-

дующимъ образомъ въ процентномъ отношеніи къ ихъ численности *).

РОДЪ ЗАНЯТІЙ.	Амурская область.		Приморская область.	
	Китайц.	Корейц.	Китайц.	Корейц.
Земледѣліе	33,1	79,6	11,5	42,5
Прислуга и поденщики . . .	13,7	1,5	28,9	8,5
Горныя работы, кирпичные и известеобжигательные заводы, лѣсной промыселъ, рыболовство и охота, извозъ	4,5	15,4	16,5	10,0
Строительныя работы	5,3	—	16,0	3,4
Обработка дерева, металловъ, растительныхъ и животныхъ продуктовъ, производство экипажей и деревянныхъ судовъ	1,3	—	4,3	1,6
Служба на судахъ и желѣзной дорогѣ	—	—	4,3	3,3
Коммиссіонерство, торговля, содержаніе харчевенъ и питейныхъ заведеній . . .	10,3	—	10,9	1,5
Прочія ремесла и занятія . .	31,8	3,5	7,9	29,2

Правда, данныя эти нѣсколько уже устарѣли, по крайней мѣрѣ для Амурской области, гдѣ, съ выселеніемъ зазейскихъ маньчжуръ, занятіе китайцевъ земледѣльческимъ промысломъ упало, что, конечно, должно было сильно измѣнить общую картину соотношенія отдѣльныхъ отраслей труда между собою, но для Приморской области и для корейцевъ Амурской это соотношеніе и донынѣ остается, приблизительно, такимъ-же, какимъ оно было въ 1897 г. Мы утверждаемъ это потому, что Приамурье, какъ извѣстно, населено очень слабо и всѣ

*) Занятія, въ коихъ участвуетъ менѣе 100 человѣкъ, для простоты, нами вовсе не приняты во вниманіе и сгруппированы подъ рубрикой „прочія ремесла и занятія".

отрасли труда одинаково нуждаются въ рабочихъ рукахъ. На этомъ основаніи, направленіе труда опредѣляется здѣсь не столько экономическими факторами, не столько соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда, сколько національными особенностями корейцевъ и китайцевъ, всилу которыхъ они свободно избираютъ тотъ трудъ, къ которому питаютъ наибольшую склонность. А такъ какъ національный характеръ является факторомъ весьма устойчивымъ, то эта схема соотношенія между отдѣльными отраслями труда корейцевъ и китайцевъ, которую даетъ намъ перепись 1897 г., очевидно, можетъ быть, въ общихъ чертахъ, принята и для характеристики настоящаго времени.

Какъ видно изъ приведенной таблицы, преобладающимъ трудомъ корейцевъ является земледѣліе, которымъ въ Приморской области занято 45,5% всего корейскаго населенія, въ Амурской 79,6%, а въ обѣихъ областяхъ—64,2%. На второмъ мѣстѣ—чернорабочій трудъ, занимающій собою въ Амурской области 16,9% и въ Приморской 25,2%. Ремесла и торговля занимаютъ у корейцевъ самое послѣднее мѣсто, не достигая по обѣимъ областямъ даже одного процента.

Совсѣмъ иную картину представляетъ собою распредѣленіе труда среди китайцевъ. Преобладающее мѣсто занимаетъ здѣсь трудъ чернорабочаго, поглощая собою въ Приморской области (Амурскую, по вышеобъясненнымъ причинамъ, мы въ расчетъ не принимаемъ) 65,4% китайскаго населенія. Земледѣльческій промыселъ и торговля стоятъ почти на одномъ уровнѣ, а на послѣднемъ мѣстѣ, какъ и у корейцевъ, находятся ремесла и обрабатывающая промышленность.

Должно замѣтить, что данныя переписи 1897 г. касаются зимняго времени, когда жизнь края замираетъ и когда притокъ иностранныхъ рабочихъ почти совершенно прекращается. Такимъ образомъ данныя эти касаются лишь того желтокожаго населенія, которое, имѣя постоянный заработокъ, живетъ въ краѣ цѣлыми годами. Но долговременное проживаніе въ краѣ и пріобрѣтаемая съ годами приспособленность къ мѣстнымъ условіямъ нисколько не сглаживаютъ того національнаго различія, которое сказывается въ выборѣ труда и въ образѣ жизни китайцевъ и корейцевъ, поскольку онъ за-

виситъ отъ рода ихъ занятій. Кореецъ остается, по преимуществу, земледѣльцемъ, а потому устраивается осѣдло. Китаецъ—поденщикъ, чернорабочій, который ничѣмъ не связанъ съ краемъ и также легко мѣняетъ мѣсто жительства, какъ и самый промыселъ. Сообразно съ этимъ, китайцы являются, сравнительно съ корейцами, элементомъ болѣе безпокойнымъ и болѣе опаснымъ.

Еще рѣзче сказывается это различіе въ лѣтнее время, когда, съ открытіемъ навигаціи, оживаетъ промысловая и торговая дѣятельность края. Приамурье наводняется тогда десятками тысячъ пришлыхъ, по преимуществу, китайскихъ рабочихъ. До какой степени великъ этотъ лѣтній притокъ ищущаго отхожаго заработка люда, можно судить по примѣру Владивостока. На 1 января 1906 г. въ немъ числилось жителей 66,570 человѣкъ, изъ нихъ постоянныхъ 50.171. Слѣдовательно, для обслуживанія коренного населенія города, въ немъ проживало около 16,4 тысячъ человѣкъ людей пришлыхъ. На 7 сентября того-же года въ городѣ числилось уже 118 тысячъ, слѣдовательно, пришлое населеніе увеличилось на 51,4 тысячъ, т.-е. почти на 314%, а все пришлое населеніе Владивостока составляло болѣе 67,8 тысячъ человѣкъ, т.-е. превышало коренное населеніе города на 17,7 тысячъ, или на 35% слишкомъ!

Такой-же наплывъ рабочихъ замѣчается лѣтомъ и въ другихъ городахъ Приамурья, потому что все населеніе его связано со своею великою рѣкой и живетъ полной жизнью только въ то время, когда она открыта для навигаціи. Конечно, не одни китайцы приходятъ въ край въ поискахъ заработка. Выходцы изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи также въ значительномъ числѣ являются сюда на лѣтнія работы, но китайцевъ все-таки большинство и хотя въ краѣ для всѣхъ хватаетъ дѣла, но между русскими и китайскими рабочими постоянно возникаютъ конфликты, которые нерѣдко кончаются очень серьезными и даже кровавыми столкновеніями.

Такимъ образомъ очевидно, что роль китайцевъ и корейцевъ въ экономической жизни края далеко не одинакова. Неодинаково также и значеніе различныхъ отраслей труда, въ коемъ они участвуютъ, безотносительно къ національно-

стямъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, можетъ оказаться, что въ нѣкоторыхъ профессіяхъ трудъ желтокожихъ незамѣнимъ и, слѣдовательно, по необходимости, долженъ быть до времени терпимъ. Въ другихъ—значеніе его можетъ быть безразличнымъ, или даже вреднымъ и, сообразно съ этимъ, должно измѣниться и отношеніе къ нему. Ниже мы попытаемся произвести оцѣнку различныхъ отраслей труда при участіи корейцевъ и китайцевъ и разсмотримъ его значеніе въ промышленности, торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ, а теперь приведемъ нѣсколько историческихъ справокъ о тѣхъ условіяхъ, при наличности которыхъ началось, развивалось и крѣпло внѣдреніе въ нашъ край желтой расы.

II.

Историческій очеркъ внѣдренія къ намъ желтой расы.

Китайцы въ Приамурьѣ до присоединенія его къ нашимъ владѣніямъ. Вызовъ китайскихъ рабочихъ на казенныя работы. Численность ихъ въ настоящее время. Начало переселенія корейцевъ и отношеніе къ нимъ высшей власти края. Сеульская декларація. Численность проживающихъ у насъ корейцевъ.

По Айгунскому трактату, къ намъ отошла вся лѣвобережная сторона Амура отъ р. Аргуни до самаго моря. Но часть этой территоріи, отъ р. Зеи до дер. Хан-мы-джикъ (Хор-мол-дзинъ), пространствомъ около 960 кв. верстъ, должна была навсегда оставаться „подъ управленіемъ чиновниковъ и вельможъ маньчжурскаго государства“, какъ сказано въ трактатѣ. Эта, вклинившаяся въ наши владѣнія часть Китая имѣла свыше 10,5 тысячъ душъ населенія, состоявшаго наполовину изъ китайцевъ, а наполовину изъ маньчжуръ и дауровъ, которые проживали въ 44 населенныхъ пунктахъ и занимались земледѣліемъ. Въ 1900 г., во время боксерскаго возстанія, часть жителей присоединилась къ повстанцамъ и добровольно покинула лѣвый берегъ Амура, другая часть была выселена и опустѣвшая территорія Зазейской Маньчжуріи была присоединена къ казачьимъ землямъ.

Территорія, ограниченная моремъ и правыми берегами рѣкъ Уссури и Амура, оставалась по Айгунскому трактату,

впредь до разграниченія, въ общемъ владѣніи обоихъ государствъ и закрѣплена за нами лишь по Пекинскому договору. Эта, почти пустынная въ то время страна была весьма слабо заселена бродячими инородцами маньчжурскаго племени, которые признавали надъ собою господство китайцевъ и платили имъ дань шкурками соболя. Кромѣ немногочисленныхъ аборигеновъ, въ краѣ проживало отъ 2 до 3 тысячъ китайцевъ, изъ коихъ осѣдлыхъ жителей считалось въ 1860 г., ко времени заключенія Пекинскаго договора, 872 человѣка, остальные были элементомъ пришлымъ и занимались охотою, поисками золота и высокоцѣннаго лѣкарственнаго корня, „жень-шень". Всего на территоріи Уссурійскаго края насчитывалось до 300 отдѣльныхъ китайскихъ фанзъ, вокругъ которыхъ были расположены поля, засѣянныя обычными среди китайцевъ полевыми растеніями.

Съ приходомъ въ край русскихъ, самыя плодородныя мѣстности, по долинамъ рѣкъ Лефу, Суйфуна, Улахе, Даубихе и Сучана, оказались занятыми китайцами, а такъ какъ они въ русскомъ подданствѣ не состояли, то ихъ считали переселившимися самовольно и выдворяли, при помощи воинской силы, съ насиженныхъ мѣстъ, а фанзы сжигали. Покинувъ свои пепелища, они устраивались на новыхъ мѣстахъ, но и здѣсь настигала ихъ волна переселенцевъ, которые охотно садились на „мягкія земли", а китайцы шли далѣе и устроились, наконецъ, въ Ольгинскомъ участкѣ, гдѣ въ настоящее время имѣется семь китайскихъ деревень. Кромѣ того отдѣльныя китайскія фанзы имѣются какъ въ Ольгинскомъ участкѣ, такъ и въ другихъ: по р.р. Даубихе, Эрльдагоу, Конгоузѣ и пр.

Заселеніе края русскими совершалось однако крайне медленно. Къ 1875 году число переселившихся, въ него крестьянъ не достигало даже 3,5 тысячъ. Между тѣмъ постройка казармъ, правительственныхъ и общественныхъ зданій и разнаго рода инженерныя работы требовали массы рукъ, а взять ихъ было неоткуда. Послѣ китайскаго возстанія 1868 г., извѣстнаго подъ именемъ „манзовской войны", правительство очень подозрительно относилось ко всякимъ вольнымъ выходцамъ изъ Китая, да и сами китайцы не рѣшались само-

вольно переступать русской границы, изъ опасенія репрессій. Единственнымъ рабочимъ кадромъ были нижніе чины, но нарядъ ихъ на строительныя работы отрывалъ ихъ отъ воинскаго дѣла, а потому въ срединѣ 70-хъ годовъ было рѣшено употреблять на работы китайскихъ мастеровыхъ. Изъ Чжилійской и Шандуньской провинцій было вывезено тогда 150 человѣкъ рабочихъ по контракту на два года.

Это открыло китайскимъ выходцамъ двери въ Уссурійскій край. Вѣсти о высокомъ заработкѣ и благожелательномъ отношеніи русскихъ властей къ китайскимъ рабочимъ быстро распространились среди бѣдноты ближайшихъ провинцій и къ 1897 году число китайскихъ выходцевъ въ Уссурійскомъ краѣ достигало уже 21.328 душъ, по свѣдѣніямъ же 1907 года въ Приморской области числилось китайцевъ свыше 69 тысячъ, слѣдовательно, за десятилѣтній періодъ китайское населеніе возросло почти на 229% т.-е. увеличилось болѣе чѣмъ втрое. Но это—населеніе зимняго времени, для лѣтняго же это число нужно по крайней мѣрѣ удвоить.

Переселеніе къ намъ корейцевъ началось съ 1863 года, когда 13 корейскихъ семей бѣжали къ намъ отъ нужды и голода. Они поселились на р. Тизинхэ, и генералъ-губернаторъ Корсаковъ, получивъ увѣдомленіе объ этомъ переселеніи, письмомъ отъ 16 ноября 1864 г. просилъ адмирала Козакевича, въ виду особой важности заселенія края, оказывать „туземцамъ", желающимъ прочно поселиться въ нашихъ предѣлахъ „покровительство и пособіе продуктами, на первое время лишь въ самомъ необходимомъ размѣрѣ, изъ экстраординарныхъ суммъ". Первый удачный опытъ нашелъ себѣ подражателей, и въ 1865 г. на Тизинхэ было уже 60 семей, а въ слѣдующемъ число ихъ дошло до ста. Письма соотечественниковъ о привольномъ житьѣ въ предѣлахъ Россіи, гдѣ имъ не только не отказывали въ пріютѣ, но снабжали всѣмъ необходимымъ, начиная отъ пищевого довольствія и рабочаго скота до денежной помощи, дѣлали свое дѣло, и корейцы толпами повалили въ нашъ край, не смотря на то, что самовольное оставленіе отечества каралось, по корейскимъ законамъ, смертной казнью. Пограничные корей-

скіе кордоны, выставленные со спеціальной цѣлью противодѣйствія эмиграціи, не въ силахъ были сдержать стихійнаго движенія корейцевъ. Безпощадно избиваемые своими солдатами, они гибли близь нашей границы. Тысячи непогребенныхъ труповъ валялись на корейскомъ берегу Тумень-улы, но это не останавливало доведенныхъ безправіемъ и голодомъ до отчаянія корейцевъ.

Особенно силенъ былъ притокъ ихъ въ 1869 году, когда, въ концѣ ноября и въ началѣ декабря, къ намъ сразу перешло ихъ до 4,5 тысячъ человѣкъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые погибли отъ голода и морозовъ раньше, чѣмъ были зарегистрованы нашими властями. Такая массовая иммиграція встревожила русскія власти. Адмиралъ Фуругельмъ и военный губернаторъ Приморской области употребили всѣ средства убѣдить корейцевъ вернуться. Заручившись договоромъ съ пограничнымъ корейскимъ начальникомъ, что вернувшимся корейцамъ не будетъ причинено никакого вреда, адмиралъ Фуругельмъ отправился въ деревню Тизинхэ, гдѣ поселилось 642 семейства изъ числа вновь прибывшихъ корейцевъ и, подъ угрозою выдворенія воинскою силою, предложилъ всѣмъ, не имѣющимъ средствъ для пропитанія, вернуться обратно. Но корейцы заявили, что они скорѣе погибнутъ отъ голода въ русской землѣ, если имъ будетъ отказано въ пособіи, или отъ русскихъ штыковъ, если ихъ начнутъ выдворять силой, но не вернутся на родину. Послѣ этого Фуругельмъ разрѣшилъ имъ остаться, „тѣмъ болѣе, что, по словамъ одного изъ современниковъ, переселеніе къ намъ около 6,5 тысячъ душъ корейцевъ принесло бы, по мнѣнію адмирала, существенную пользу краю черезъ доставленіе ему хорошихъ и дешевыхъ чернорабочихъ, въ которыхъ край очень нуждался". Неимущіе были отправлены на разныя работы; ихъ женамъ и дѣтямъ былъ выданъ провіантъ для прокормленія до новаго хлѣба, а на обсѣмененіе полей были выданы деньги. Всего по 1871 годъ было употреблено на прокормленіе корейцевъ 35 т. пудовъ казеннаго провіанта, которые, по положенію военнаго совѣта, Высочайше утвержденному 17 апрѣля 1871 года, были сложены со счетовъ казны. Кромѣ того на покупку сѣмянъ имъ было

выдано 495 р. 26 к., которые частью были зачтены имъ въ счетъ заработной платы на казенныхъ работахъ, а частью также сложены.

Но не одни неимущіе бѣжали къ намъ изъ Кореи. Царившіе въ ней безправіе и произволъ чиновниковъ, доходившіе до того, что никто не располагалъ не только своимъ имуществомъ, но даже жизнью, гнали къ намъ и людей состоятельныхъ. Такъ въ 1865 году къ намъ переселился нѣкій Ингуго-ханъ (Нямбони-Цой) съ тремя женами и 17 рабами. Изъ 982 семей, переселившихся въ 1869 году, 309, или около 31,5%, оказались не нуждающимися въ правительственномъ пособіи.

Несмотря на покровительственное отношеніе къ корейскому переселенію, мѣстныя власти сознавали опасность массового заселенія ими смежной съ Кореей приграничной полосы, а потому весною 1870 года было предпринято переселеніе ихъ вглубь страны, на Суйфунъ, Лефу и Даубихэ, гдѣ было образовано шесть корейскихъ деревень. На мѣсто переселенныхъ предполагалось зачислять вновь прибывающихъ, съ тѣмъ, чтобы, давъ имъ окрѣпнуть, направлять далѣе на сѣверъ. Былъ произведенъ опытъ переселенія корейцевъ даже въ Амурскую область, гдѣ образована корейская деревня Благословенная. Но этотъ опытъ оказался слишкомъ дорого стоющимъ, а потому переселеніе корейцевъ въ Амурскую область было прекращено.

Недовольство корейскаго правительства нашимъ гостепріимствомъ, которое грозило обезлюдить всю страну, вызвало дипломатическіе переговоры, закончившіеся въ 1884 году Сеульской конвенціей. Согласно этой послѣдней, проживающіе въ нашемъ краѣ корейцы дѣлились на три категоріи: поселившіеся до заключенія конвенціи, должны были считаться русскими подданными, осѣвшіе позже должны были взять корейскіе билеты на право проживанія въ русскихъ предѣлахъ, и, по окончаніи указаннаго въ нихъ срока, ликвидировать свои дѣла и выселиться на родину, третью категорію составляли временно прибывающіе въ край для заработковъ.

Смѣнившіе послѣдовательно другъ друга генералъ-гу-

бернаторы—Корфъ, Духовской и Гродековъ продолжали придерживаться взгляда на пользу переселенія въ нашъ край корейскихъ выходцевъ, а потому не торопились съ распредѣленіемъ корейцевъ по установленнымъ Сеульской конвенціей категоріямъ. Но какъ бы тамъ ни было, въ 1897 г. было приступлено къ подробной регистраціи, на основаніи которой около 10 т. корейцевъ были признаны русскими подданными и надѣлены землей по 15 десятинъ на семью съ освобожденіемъ ихъ, наравнѣ съ русскими переселенцами, отъ подушной подати навсегда и отъ поземельной подати на 20 лѣтъ. Но и послѣ этого Сеульская конвенція не соблюдалась строго, и генералъ-лейтенантомъ Гродековымъ разрѣшено было селиться въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ и въ Хабаровскомъ уѣздѣ даже корейцамъ второй категоріи, которымъ и отводились соотвѣтствующіе надѣлы. Послѣднее корейское селеніе, Лукьяновка, въ Средне-Уссурійскомъ участкѣ, было образовано въ 1901 году, и съ тѣхъ поръ корейцы землей уже не надѣлялись.

Всѣхъ корейскихъ селеній въ Уссурійскомъ краѣ считается свыше 30; изъ нихъ 22 селенія принадлежатъ къ составу пограничнаго съ Кореей Посьетскаго участка и образуютъ самостоятельную Янчихинскую волость, четыре деревни—къ Суйфунскому участку и образуютъ также самостоятельную волость. Остальныя деревни входятъ въ составъ русскихъ волостей. Кромѣ того много корейцевъ проживаетъ отдѣльными фанзами въ русскихъ деревняхъ.

Послѣ русско-японской войны, въ Японіи, подъ предсѣдательствомъ премьеръ-министра, образовалось колонизаціонное общество, имѣющее своею цѣлью способствовать эмиграціи корейцевъ въ Россію. Подъ вліяніемъ этого общества и японскихъ репрессій, къ намъ снова устремился потокъ корейскихъ эмигрантовъ. Несмотря на это, число корейцевъ въ краѣ значительно ниже, чѣмъ число китайцевъ. По собраннымъ, распоряженіемъ генералъ-губернатора, въ 1906 и въ 1907 годахъ свѣдѣніямъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ проживаетъ около 26 т. душъ обоего пола, въ Хабаровскомъ и Удскомъ уѣздахъ 7,5 и въ Амурской области около 3,5 т., всего же въ Приамурьѣ—около 37 тысячъ человѣкъ.

III.

Участіе желтой расы въ промышленности края.

Ростъ городовъ, какъ показатель быстраго развитія края. Русскіе и китайскіе чернорабочіе. Участіе русскихъ и желтокожихъ рабочихъ въ обрабатывающей промышленности края.

Мы уже видѣли, что свыше 65% всего китайскаго населенія Приморской области заняты черноработимъ трудомъ. Если взять все желтое населеніе края, причисляя сюда и корейцевъ, которые занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ, то и тогда классъ чернорабочихъ составитъ болѣе 54% всего проживающаго въ краѣ желтаго люда. Въ виду такого преобладающаго значенія этого класса, отведемъ ему въ нашемъ очеркѣ первое мѣсто и мы.

Экономическое развитіе Приамурья идетъ впередъ чрезвычайно быстро и характернымъ показателемъ этого явленія можетъ служить ростъ его городовъ. Какъ быстро увеличивается ихъ населеніе можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Города.	Число жителей.		
	въ 1891 г.	въ 1898 г.	въ 1906 г.
Благовѣщенскъ . . .	20.475	37.368	39.629
Владивостокъ . . .	8.418	30.847	66.570
Хабаровскъ	5.123	15.468	18.649
Николаевскъ	1.556	5.322	8.365

Такимъ образомъ за 16 лѣтъ, съ 1891 по 1906 годъ населеніе Благовѣщенска возросло почти вдвое, Хабаровска—болѣе чѣмъ втрое (на 264%), Николаевска—на 437% и Владивостока почти въ восемь разъ. Сообразно съ ростомъ населенія, возрастала и строительная дѣятельность. Такъ въ 1901 г. во Владивостокѣ числилось всего только 950 построекъ, а въ 1906 уже 3.295; въ Николаевскѣ за тотъ же періодъ число построекъ увеличилось съ 572 до 1.191. Возрасла также дѣятельность портовъ и желѣзной дороги. Въ 1901 г., напримѣръ, во Владивостокъ прибыло 439 морскихъ судовъ, а въ 1906—701. Грузооборотъ желѣзнодорожной

станціи Владивостокъ за тотъ же промежутокъ времени съ 13.245 тысячъ пудовъ возросъ до 35.532 тысячъ и т. д.

Наравнѣ съ развитіемъ этой кипучей дѣятельности, растетъ и спросъ на рабочія руки, главнымъ образомъ для строительныхъ, инженерныхъ и разгрузочныхъ работъ. До постройки желѣзной дороги, русскихъ рабочихъ, если не считать выходцевъ съ Сахалина, которыхъ тюремное начальство отпускало на материкъ для лѣтнихъ заработковъ, почти совсѣмъ не было въ краѣ. Но склонные къ загулу и развращенные бездѣльемъ сахалинцы были плохими и ненадежными работниками, а потому при наймѣ предпочтеніе оказывали китайцамъ, тѣмъ болѣе, что они получали не дороже 1 р. 40 к. въ день, тогда какъ сахалинцы не соглашались идти на разгрузочныя работы меньше какъ за два рубля. Кромѣ того за китайцами имѣлись и другія преимущества: они работали артелями и, слѣдовательно, всѣ недоразумѣнія между ними и работодателями разрѣшались легче, такъ какъ послѣднимъ приходилось имѣть дѣло съ подрядчиками, а не съ отдѣльными рабочими. Они не пьянствовали, не знали праздниковъ и прогульныхъ дней и не гнались за зуботычиной. Впрочемъ даже и сахалинцы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые еще не отстали отъ работы, находили примѣненіе своему труду, потому что китаецъ, несмотря на всѣ свои положительныя качества, уступалъ русскому рабочему въ силѣ, ловкости и быстротѣ работы. Особенно незамѣнимъ русскій рабочій при разгрузочныхъ работахъ, которыя требуютъ спѣшности и высокой напряженности труда. Товарищество Амурскаго пароходства пробовало поэтому выписывать рабочихъ изъ Европейской Россіи, но этотъ опытъ оказался неудачнымъ: они ушли на болѣе выгодные заработки, хотя получали по 125 рублей въ мѣсяцъ, съ проѣздомъ на хозяйскій счетъ.

Съ проведеніемъ черезъ азіатскій материкъ сплошного рельсоваго пути, въ краѣ начали появляться, въ поискахъ отхожаго заработка, русскіе рабочіе, притокъ которыхъ увеличивается годъ отъ года. Обыкновенно, передъ наймомъ на крупныя, требующія массовой силы работы, между русскими и китайскими рабочими происходятъ острыя столкновенія, ко-

торыя выражаются въ побояхъ, въ сталкиваніи китайцевъ въ воду и въ другихъ насиліяхъ. Не остаются безъ воздѣйствія со стороны русскихъ рабочихъ и наниматели, которые, подъ угрозою недопущенія къ работамъ желтокожихъ и пріостановки работъ насильственнымъ путемъ, бываютъ вынуждены принять русскихъ рабочихъ на предложенныхъ ими условіяхъ. Въ концѣ концовъ между рабочими устанавливается соглашеніе, и обѣ расы, сохраняя свою обособленность, мирно работаютъ рядомъ, каждая на своемъ дѣлѣ.

Заработокъ русскихъ рабочихъ, въ зависимости отъ предложенія труда, сильно колеблется. Въ 1905 г., напримѣръ, грузовщикъ-рабочій зарабатывалъ въ Николаевскѣ до 10 и болѣе рублей въ день. Столь непривычно-высокій заработокъ дѣйствовалъ на многихъ самымъ развращающимъ образомъ. Заработавъ 10—12 рублей въ сутки, многіе рабочіе, чувствуя себя обезпеченными на недѣлю, не возвращались на работы, пока не прогуляютъ всего заработка. На мѣсто загулявшихъ поневолѣ приходилось ставить китайцевъ. Проникшія въ чернорабочую массу и плохо усвоенныя идеи освободительнаго движенія дѣлали русскаго рабочаго часто чрезмѣрно требовательнымъ. Они, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, устраивали забастовки и требовали осуществленія восьмичасового дня въ такомъ, напримѣръ, промыслѣ, какъ рыболовство, гдѣ, по самой природѣ промысла, невозможно установленіе никакого минимума рабочихъ часовъ, такъ какъ во время хода рыбы, который продолжается всего нѣсколько дней, требуется самая напряженная работа, перерывъ которой, даже на одинъ часъ, можетъ грозить невознаградимыми убытками предпринимателю. Вообще съ русскими рабочими много возни и безпокойства, не только работодателямъ но и администраціи. Многіе изъ нихъ принадлежатъ къ бездомному пролетаріату, утратившему уже привычку къ осѣдлой жизни и живущему только интересами текущаго дня. Такіе работаютъ непостоянно и къ концу сезона остаются безъ гроша въ карманѣ, бродя по домамъ и собирая подаяніе на обратный путь, пока администрація силой не посадитъ ихъ на пароходъ или на желѣзную дорогу для отправки на родину.

Обрабатывающая промышленность въ краѣ развита весь-

Хабаровская Краевая научная библиотека

ма слабо и занимаетъ собою очень мало рабочихъ рукъ. По свѣдѣніямъ 1906 года, въ Амурской области было всего только 220 промышленныхъ заведеній съ 2.067 рабочими и съ общимъ оборотомъ около 5.199 тыс. рублей. Въ Приморской области въ 1907 году было 720 промышленныхъ заведеній, съ оборотомъ въ 4.427 тыс., въ коихъ было занято 4.151 рабочій. Какъ распредѣлялись въ этихъ заведеніяхъ рабочіе по національностямъ, изъ имѣющихся у насъ данныхъ не видно, а потому, для сужденія по аналогіи, обратимся снова къ свѣдѣніямъ, которыя даетъ намъ перепись 1897 года.

По этимъ даннымъ прежде всего устанавливается, — что было указано, нами и ранѣе,—рѣзкое различіе между Амурской и Приморской областями. Въ первой—обрабатывающей промышленностью занято было 1.479 человѣкъ, изъ коихъ 246 или 18,7% принадлежали къ желтой расѣ, а 1.223 или 81,3%—къ кавказской. Въ Приморской области въ промышленныхъ заведеніяхъ работало 3.019 человѣкъ, изъ коихъ 1.670 или 55,3% китайцевъ и корейцевъ и 1.349 человѣкъ или 44,7% русскихъ. Весьма характернымъ является распредѣленіе тѣхъ и другихъ по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

344220

Родъ промышленности.	Занято рабочихъ.					
	Въ Амурской области			Въ Приморской области		
	желт.	русск.	%	желт.	русск.	%
Обрабат. волокнист. вещ. . .	2	72	97,3	65	70	51,9
„ животн. продукт. .	7	272	97,5	52	204	79,7
„ металловъ	29	424	93,6	475	680	58,8
„ раст. и питат. прод.	6	305	98,0	292	202	40,9
„ минеральн. вещест.	196	52	20,9	638	129	15,5
Производства химическія и связанныя съ ними	2	15	88,2	99	34	25,6
Винокур. пиво и медовар. . .	3	79	96,3	47	20	29,8
Производство проч. напитк. .	1	14	93,3	2	10	83,3

Изъ данныхъ этой таблицы видно, что въ Приморской области русскіе рабочіе преобладаютъ въ промышленности, обрабатывающей волокнистыя вещества, растительные и жи-

вотные продукты и металлы, а также въ производствахъ, приготовляющихъ не-спиртные напитки. Въ этой группѣ участвуютъ 73% всѣхъ занятыхъ обрабатывающею промышленностью русскихъ рабочихъ. Большинство рабочихъ желтой расы (64,5%) заняты, наоборотъ, обработкою минеральныхъ веществъ (кирпичные и известеобжигательные заводы), въ химическихъ и связанныхъ съ ними производствахъ (соле-варни), въ винокуреніи и пивовареніи, а также въ производствахъ, обрабатывающихъ растительные и питательные продукты (мельницы и круподерки).

Эти двѣ группы рѣзко различаются другъ отъ друга по своему характеру: первая требуетъ навыка, снаровки, ловкости, и въ ней господствуютъ русскіе, несмотря на то, что они оцѣниваютъ свой трудъ значительно дороже, чѣмъ китайцы и корейцы; ко второй группѣ принадлежатъ производства, которыя требуютъ примѣненія исключительно физической силы, и эта группа принадлежитъ главнымъ образомъ представителямъ желтой расы. Еслибы мы имѣли болѣе полный и детально разработанный цифровой матеріалъ, то мы увидѣли бы, что и въ этой послѣдней группѣ производствъ рабочіе разслаиваются на два класса: руководителей и старшихъ рабочихъ, которыми, обыкновенно, бываютъ русскіе, и чернорабочихъ, которые сплошь состоятъ изъ китайцевъ или корейцевъ.

Амурская область, какъ мы уже говорили выше, менѣе перегружена желтымъ элементомъ, а потому русскіе рабочіе здѣсь преобладаютъ почти во всѣхъ производствахъ обрабатывающей промышленности. Но если принять эту поправку, то и здѣсь замѣчается то же явленіе, что и въ Приморской области: наибольшій процентъ желтыхъ находитъ примѣненіе своему труду или въ наименѣе оплачиваемыхъ производствахъ, каковы производства керамическія, или въ опасныхъ для здоровья, каковы спичечныя фабрики, значащіяся въ числѣ химическихъ и связанныхъ съ ними производствъ.

Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ: *русскіе рабочіе находятся внѣ конкурренціи въ производствахъ съ болѣе высокой техникой, но за то уступаютъ желтокожимъ въ производствахъ грубыхъ и простыхъ, гдѣ трудъ оцѣнивается*

весьма низко и не можетъ оплатить болѣе развитыхъ потребностей русскаго рабочаго. А какъ велика разница въ потребностяхъ русскаго и китайца можно судить по слѣдующему примѣру. На спичечной фабрикѣ Меркулова, близь Владивостока, работали одновременно 150 китайцевъ и свыше 30 человѣкъ русскихъ. Послѣдніе получали по 18 рублей въ мѣсяцъ на хозяйскихъ, а китайцы по 14 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Содержаніе первыхъ обходилось въ среднемъ по 9 р. 40 к. на человѣка, а китайцевъ по 3 р. 82 к. въ мѣсяцъ. Въ концѣ года, при самой скромной жизни и полной трезвости, у русскихъ рабочихъ отъ заработка ничего не оставалось, а китайцы дѣлали сбереженія и переводили ихъ на родину.

IV.

Роль желтой расы въ золотопромышленности.

Положеніе мѣстныхъ и иностранныхъ рабочихъ передъ закономъ. Первое проникновеніе въ тайгу китайцевъ. Желтуга и Джалинда. Хищничество и его связь съ наплывомъ желтой расы. Растущее сознаніе необходимости борьбы съ нимъ. Корейцы, какъ противовѣсъ завоеванію тайги китайцами. Заключеніе особой комиссіи при горномъ департаментѣ о роли китайцевъ въ жизни тайги.

Совершенно особое положеніе въ ряду дальневосточной промышленности занимаетъ золотое дѣло. Какъ наиболѣе крупная въ краѣ промышленность, оно весьма тѣсно связано со многими сторонами экономическаго быта Приамурья, а потому о роли желтаго труда въ золотодобываніи необходимо поговорить особо.

Хотя обильное содержаніе золота въ прилегающей къ Амуру тайгѣ было извѣстно съ первыхъ же нашихъ шаговъ въ этомъ краѣ, но Муравьевъ не находилъ возможнымъ допустить разработку золота въ Приамурьѣ, пока русскіе переселенцы не окрѣпли еще въ новыхъ для нихъ мѣстахъ. Однако уже съ 1864 года онъ вынужденъ былъ разрѣшить занятіе золотопромышленностью. Но, опасаясь, чтобы она не отвлекла рабочія руки отъ земледѣлія, онъ запретилъ принимать на пріиски рабочихъ изъ амурскихъ новоселовъ, а чтобы допу-

щеніе занятія золотопромышленностью не осталось вслѣдствіе этого запрещенія только на бумагѣ, онъ разрѣшилъ наемку на пріиски китайскихъ рабочихъ. Подданные другихъ государствъ могли быть принимаемы на пріиски только съ особаго на каждый случай разрѣшенія. О корейцахъ въ этомъ приказѣ не было упомянуто ни слова, вѣроятно, на томъ основаніи, что трудно было и ожидать появленія ихъ на нашей территоріи, при той суровой карѣ, которую корейскіе законы налагали за оставленіе отечества. Этотъ приказъ графа Муравьева позднѣе былъ утвержденъ законодательнымъ порядкомъ и остается въ силѣ донынѣ (Прим. 2 къ п. 5 прилож. къ ст. 661 Уст. горн. по прод. 1906 г.).

Золотопромышленники предпочитали, однако, тщедушнымъ и слабосильнымъ китайцамъ здоровыхъ и крѣпкихъ русскихъ рабочихъ изъ забайкальскихъ „семейскихъ“ и не жалѣли заработной платы, такъ какъ золото было очень богатое и имъ не расчетъ было скупиться на рабочихъ, лишь бы выработка золота шла быстрѣе и успѣшнѣй. Такимъ образомъ до второй половины 80-хъ годовъ, амурская тайга не знала китайскихъ рабочихъ. Но въ 1886 году богатая Джалинда, за предполагаемою выработанностью ея, перешла въ руки арендаторовъ, и хотя арендная плата была не высока, всего 200 полуимперіаловъ съ пуда намытаго золота, однако эта плата составляла 8% валовой добычи золота, и арендаторы нашли болѣе выгоднымъ замѣнить трудъ русскихъ китайскими рабочими. Около этого времени произошелъ разгромъ знаменитой желтугинской республики, гдѣ часть китайскихъ рабочихъ была перебита китайскими солдатами, а часть бѣжала въ наши предѣлы, предоставивъ русской золотопромышленности уже готовые кадры опытныхъ пріисковыхъ рабочихъ.

Около того же времени китайцы появляются на Хинганѣ, гдѣ имъ принадлежитъ до 90% всей выработки. Постепенно они заполняютъ и другія рѣки системы Амура и послѣдовательно появляются на Уньѣ, Бомѣ, Ниманѣ, Селемджѣ, Буреѣ и Амгуни. Они всюду слѣдуютъ за новыми открытіями россыпей, проникаютъ въ самыя глухія таежныя дебри, составляютъ тамъ артели „вольныхъ старателей“, которые работаютъ самостоятельно, не сливаясь съ русскими, и занимаются

хищнической, никѣмъ не учитываемой, нелегальной разработкой золота, не только по неизвѣданнымъ еще рѣчкамъ, но даже на заявленныхъ, но еще не отведенныхъ русскимъ предпринимателямъ площадяхъ. Не ограничиваясь Амуромъ, они проникаютъ въ Забайкалье, въ Баргузинскую тайгу и переходятъ оттуда на Витимъ, заполняя собою такимъ образомъ всѣ наиболѣе богатыя золотомъ рѣчки Восточной Сибири и всюду, въ большей или меньшей степени, вытѣсняя русскихъ рабочихъ, и портя золотоносныя площади своею хищнической разработкой. Когда появились въ Амурской тайгѣ корейцы—неизвѣстно, но уже въ 1891 году мы встрѣчаемъ ихъ на Хугдерѣ, гдѣ ихъ оказалось до 350 человѣкъ.

По мѣрѣ мельчанія промысла и проникновенія въ тайгу разныхъ спекулянтовъ, которые занимаются не столько золотопромышленностью, сколько разными темными дѣлами вродѣ покупки краденаго золота, торговли спиртомъ, доставки продуктовъ многочисленнымъ артелямъ хищниковъ и т. д., увеличивался и наплывъ въ тайгу желтокожихъ, который въ свою очередь способствовалъ размноженію въ промысловомъ районѣ этихъ темныхъ предпринимателей, только лишь числящихся золотопромышленниками, а на самомъ дѣлѣ не имѣющими съ ними ничего общаго. Вообще же должно сказать, что интересы этихъ хищныхъ и наносящихъ неисчислимый вредъ золотопромышленности таежныхъ элементовъ до такой степени тѣсно переплелись съ существованіемъ въ тайгѣ желтокожихъ рабочихъ, что опредѣлить, какое изъ этихъ явленій слѣдуетъ считать первичнымъ, чрезвычайно трудно.

Несомнѣнно одно, что не будь въ тайгѣ почти даровыхъ китайскихъ и корейскихъ рукъ, эти элементы не могли бы получить столь широкаго, какъ нынѣ, распространенія. Китайцы и корейцы работаютъ исключительно на золотникахъ, такъ какъ для хозяйскихъ работъ они, а въ особенности китайцы, по своей вялости и слабости, не годятся. Такъ какъ въ тайгѣ, за сотни верстъ отъ жилыхъ мѣстъ, негдѣ взять провизіи, то всѣ припасы пріобрѣтаются ими въ пріисковыхъ амбарахъ. Припасы эти отпускаются рабочимъ по опредѣленной, утвержденной окружнымъ инженеромъ таксѣ. Но пользуясь тѣмъ, что китайцы работаютъ отъ подрядчика и

на его продовольствіи, а подрядчикъ—не рабочій, мелкіе золотопромышленники по отношенію къ нимъ не соблюдаютъ никакой таксы и ставятъ на провизію такія цѣны, какія имъ только заблагоразсудится, а потому послѣднія постоянно колеблются, въ зависимости отъ добычливости пріиска. Если золото идетъ въ изобиліи—цѣны на продукты въ пріисковыхъ амбарахъ повышаются, уменьшается добыча золота—падаютъ соотвѣтственно и цѣны на провизію, въ общемъ же китайцу при разсчетѣ достается весьма немного. Корейцы идутъ даже на худшія условія. Бываетъ такъ, что они нанимаются на своихъ харчахъ и приносятъ съ собою провизію, которую и сдаютъ на храненіе въ пріисковой амбаръ. Но изъ амбара они получаютъ провизію за плату, которая подвержена такимъ же колебаніямъ, какъ и существующія для китайцевъ цѣны. Само собой разумѣется, что русскимъ нѣтъ возможности конкурировать съ такими невзыскательными соперниками и, не найдя легальныхъ работъ на пріискахъ, они переходятъ на положеніе „вольныхъ старателей", т. е. идутъ въ глубину тайги, гдѣ образуютъ иногда весьма многочисленныя артели хищниковъ, которые работаютъ ничѣмъ не лучше китайцевъ и, конечно, только портятъ розсыпи.

Впервые вниманіе широкихъ оффиціальныхъ сферъ на китайско-корейскихъ рабочихъ было обращено въ 1893 году, когда окружной инженеръ Оранскій, прибывъ на Джалинду, замѣтилъ, что половина всѣхъ рабочихъ принадлежитъ къ желтой расѣ. Тогда едва-ли могли придавать серьезное значеніе политической сторонѣ желтаго вопроса и инженеръ Оранскій обратилъ на него вниманіе не съ этой, а съ чисто-технической стороны. Его поразилъ главнымъ образомъ тотъ фактъ, что корейцы и китайцы работаютъ исключительно на золотникахъ, а этотъ способъ разработки золотыхъ россыпей онъ находилъ вреднымъ, а потому и нежелательнымъ. Не имѣя возможности бороться противъ наплыва китайцевъ, наемъ которыхъ на пріиска находился подъ покровительствомъ закона, Оранскій, желая хоть сколько нибудь ослабить зло и уменьшить наплывъ желтой расы, началъ настаивать на выселеніи изъ тайги корейцевъ, которые, наравнѣ съ прочими иностранцами, могутъ быть принимаемы на пріиска лишь

въ особо установленномъ закономъ порядкѣ, т. е. не иначе, какъ съ разрѣшенія властей, испрашиваемаго для каждаго отдѣльнаго случая.

Вскорѣ однако было доказано, что китайцы на пріискахъ являются гораздо болѣе вреднымъ элементомъ, чѣмъ корейцы, которые, по словамъ болѣе поздняго изслѣдователя, горнаго инженера Тове, „по своему кроткому нраву, трудолюбію и склонности и способности подражать европейцамъ, представляютъ элементъ гораздо болѣе желательный для промысловъ, чѣмъ консервативный китаецъ или маньчжуръ, относящійся ко всякой европейщинѣ нѣсколько свысока". Сверхъ того немаловажнымъ обстоятельствомъ для предпочтенія корейцевъ было то, что куда бы они ни проникли, они тотчасъ же устраивали около пріиска огороды и вводили въ пріисковый обиходъ употребленіе овощей, столь необходимыхъ въ тайгѣ, гдѣ, вслѣдствіе недостатка растительной пищи, цинга является обычнымъ бичомъ пріискового населенія. Наконецъ, кореецъ, не имѣя особаго стремленія къ своей родинѣ, откуда его выгнали нужда и произволъ, сживался съ русскими, и ихъ обычаями и весь свой заработокъ или, по крайней мѣрѣ, большую часть его, оставлялъ въ Россіи, а не переводилъ за границу, какъ китаецъ.

Всѣ эти обстоятельства заставили военнаго губернатора Амурской области ходатайствовать въ 1894 году передъ генералъ-губернаторомъ Духовскимъ уже не о выселеніи корейцевъ, какъ было предположено вначалѣ, а наоборотъ—о разрѣшеніи ему допускать своею властью наемъ на пріиски корейцевъ въ размѣрѣ отъ четверти до половины всего числа рабочихъ, за исключеніемъ Хингана, гдѣ онъ полагалъ необходимымъ допустить наемъ корейцевъ въ неограниченномъ числѣ, чтобы хоть этимъ положить предѣлъ исключительному преобладанію китайцевъ на пріискахъ этой системы. Разрѣшеніе было дано, но, по разнымъ внѣшнимъ и случайнымъ причинамъ, приведено въ исполненіе не было. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени, когда столь остро выдвинулась на первый планъ политическая сторона вопроса, отношеніе мѣстной власти къ факту заполненія тайги желтой расой продолжало оставаться колеблющимся.

Особенно рѣзко поставленъ былъ вопросъ о ея роли на пріискахъ послѣ 1900 года, когда боксерское возстаніе, бомбардировка Благовѣщенска и сопутствовавшія ей событія воочію показали, какую громадную политическую опасность могутъ представить изъ себя сыны „Недвижнаго Китая", въ случаѣ какихъ либо международныхъ осложненій въ смежныхъ съ нами странахъ. Для подробной разработки рабочаго вопроса на пріискахъ Приамурья была организована при горномъ департаментѣ особая коммиссія, которая, по обсужденіи всѣхъ деталей, пришла къ слѣдующимъ любопытнымъ заключеніямъ.

Наплывъ китайцевъ на золотые промысла въ предшествующее время былъ громаденъ и, несомнѣнно, будетъ увеличиваться безостановочно, если не положить этому движенію твердыхъ границъ. Между тѣмъ китайскій рабочій является на пріискахъ крайне нежелательнымъ элементомъ, такъ какъ производительность его труда гораздо ниже производительности русскаго рабочаго. На хозяйскія работы онъ негоденъ и вовсе не идетъ и работаетъ исключительно, какъ золотничникъ. Между тѣмъ работы китайскихъ золотничниковъ отличаются неправильностью и носятъ завѣдомо характеръ порчи и расхищенія россыпей. Наплывъ китайцевъ способствуетъ ненормальному пониженію заработковъ русскаго рабочаго, вытѣсненію послѣдняго съ пріисковъ и понужденію его переходить въ разрядъ таежныхъ хищниковъ. Сами китайцы, не находя работъ на пріискахъ, обращаются къ самовольной разработкѣ золотоносныхъ площадей, образуя свои китайскія толпы хищниковъ, не сливающихся съ русскими. Китайскіе рабочіе удобны и выгодны главнымъ образомъ для тѣхъ золотопромышленниковъ, которые приступаютъ къ работамъ безъ капитала, безъ знаній, безъ заботъ о мѣсторожденіи и о рабочихъ, съ единственною цѣлью—нажиться. Между этими золотопромышленниками и рабочими возникаетъ непозволительная борьба изобрѣтательности во взаимныхъ обманахъ, обсчитываньи и другихъ безнравственныхъ пріемахъ, понижающихъ и безъ того невысокій уровень порядочности таежныхъ нравовъ. Сверхъ того, при легкости сбыта золота въ Китай, они утаиваютъ сами или скупаютъ краденое золото,

которое сбываютъ на родину, на сумму не менѣе 3 милліоновъ рублей. Распространяясь все шире и захватывая съ крайней настойчивостью все большее число золотоносныхъ районовъ, они замѣтно подчиняютъ себѣ тайгу и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.

Высказанныя соображенія нашли полное подтвержденіе и сочувствіе начальника Иркутскаго горнаго управленія, который возбудилъ ходатайство о совершенномъ воспрещеніи китайцамъ участвовать въ золотомъ промыслѣ. Если же такое категорическое запрещеніе оказалось бы неосуществимымъ, то онъ находилъ необходимымъ допустить пріемъ китайцевъ, равно какъ и другихъ иностранцевъ на пріиска, не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія генералъ-губернатора; что же касается пріисковъ, еще не развѣданныхъ, то на нихъ доступъ иностранцамъ начальникъ горнаго управленія полагалъ необходимымъ вовсе запретить.

Свѣдѣнія о числѣ промышляющихъ въ тайгѣ китайцевъ и корейцевъ отличаются крайнею неполнотою, а потому приведемъ свѣдѣнія, относящіяся къ 1900 году, какъ наиболѣе полныя. Въ Амурской области разрабатывалось въ этомъ году 204 пріиска, изъ коихъ 140, или 68,6%, разрабатывались рабочими желтой расы. Въ Приморской области работы производились на 25 пріискахъ, изъ коихъ 21, или 84%, работались китайцами и корейцами. Въ Амурской области на пріисковыя работы было употреблено 2.123.111 поденщинъ, изъ нихъ на долю русскихъ приходится всего только 313.957, или 14,8%, остальные 1.809.154 распредѣлялись между китайцами и корейцами, причемъ первыми было затрачено 1.533.777 поденщинъ, или 72,3%, всѣхъ поденщинъ, а вторыми 275.377, или 12,9%. Въ Приморской области неизвѣстно число поденщинъ, но рабочихъ было 3 тысячи человѣкъ, изъ коихъ 1.875, или 62,5%, китайцевъ и корейцевъ. Всего золота добыто было—въ Амурской области 493 п., изъ коихъ трудомъ русскихъ рабочихъ 253 п., или 51,3%, и въ Приморской—168 п., изъ коихъ русскими добыто 102 п., или 64,9%.

Таковы данныя о численности легально работающихъ на пріискахъ корейцевъ и китайцевъ, а какое количество ихъ скрываетъ тайга въ своихъ дебряхъ дѣйствительно, сколько

ихъ занято хищническимъ промысломъ на пространствѣ отъ Байкала до Охотскаго моря, того никто, конечно, сказать не можетъ. Особая коммиссія при горномъ департаментѣ находила, что для конца девятидесятыхъ годовъ число китайскихъ рабочихъ на пріискахъ далеко превышало 15 тысячъ человѣкъ. За послѣдніе годы, въ виду особеннаго притока въ нашъ край рабочихъ желтой расы, ихъ, несомнѣнно, стало больше и можетъ быть, горная молва недалека отъ истины, опредѣляя ихъ число не менѣе 30 т. человѣкъ.

Но вернемся къ вышеприведеннымъ, оффиціально провѣреннымъ даннымъ. Изъ нихъ видно, что подавляющее большинство принадлежитъ въ тайгѣ рабочимъ желтой расы, которые превышаютъ русскихъ—въ Приморской области почти вдвое, а въ Амурской—даже болѣе чѣмъ въ пять разъ. Среди рабочихъ желтой расы корейцы занимаютъ точно такое же положеніе, какое занимаютъ русскіе по отношенію къ желтой расѣ вообще, т.-е. китайцевъ въ тайгѣ въ пять слишкомъ разъ болѣе чѣмъ корейцевъ. Но это соотношеніе отдѣльныхъ національностей, работающихъ на золотыхъ пріискахъ, едва ли можетъ считаться типическимъ, такъ какъ приведенныя нами свѣдѣнія относятся къ 1900 г., году боксерскаго возстанія, когда значительная часть китайцевъ оставила наши предѣлы и такимъ образомъ понизила обычное число работающихъ на пріискахъ китайцевъ. Такимъ образомъ мы должны заключить, что въ спокойное время относительное участіе китайцевъ въ разработкѣ золотыхъ промысловъ должно быть еще значительнѣе, но уже и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, въ какой зависимости находится тайга отъ китайскихъ рабочихъ.

V.

Участіе желтой расы въ торговлѣ.

Численное преобладаніе китайцевъ надъ европейцами. Распредѣленіе отраслей торговаго производства между тѣми и другими. Организація китайской торговли и ея соціальный укладъ. Артельное начало. Взаимный кредитъ. Быстрота оборота китайскаго капитала. Торговля китайцевъ среди инородцевъ. Китайскія цѣны. Система кредита. Опіумъ.

Вся внутренняя торговля Приамурья сосредоточена въ рукахъ немногихъ фирмъ, среди которыхъ главенствующее

положеніе занимаютъ двѣ: русская—Чуринъ и К° и германская—Кунстъ и Альберсъ. Фирмы эти имѣютъ свои отдѣленія во всѣхъ городахъ и въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ Приамурья, мелкая же торговля, а также почти вся наша торговля по сухопутной границѣ находятся, по преимуществу, въ рукахъ китайцевъ. Выше мы говорили уже, что изъ всего китайскаго населенія Приамурья около 10,5% заняты торговлей. Процентъ этотъ не кажется большимъ, но если принять во вниманіе численность китайскаго населенія въ краѣ, которое, по даннымъ 1907 г., превышаетъ 80 т. человѣкъ, то число занятыхъ торговлею китайцевъ, при слабой населенности края вообще, не можетъ не показаться чрезмѣрнымъ.

За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, обратимся снова къ даннымъ всеобщей переписи, по которымъ оказывается, что въ Амурской области изъ 2.189 занятыхъ торговлей лицъ на долю желтой расы падаетъ 1.082 человѣка, европейцевъ же занято торговлей 1.107 человѣкъ, или 50,6%. Въ Приморской области отношеніе это еще менѣе благопріятно для европейцевъ, которыхъ, при общей численности торговаго сословія въ 4.886 человѣкъ, насчитывается всего 1.374 или 28,3%, слѣдовательно, представители желтой расы въ торговлѣ болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза превышаютъ число занятыхъ этимъ дѣломъ европейцевъ.

Выше мы уже видѣли, что число занятыхъ торговлею корейцевъ совершенно ничтожно,—въ Амурской области, напримѣръ, въ 1897 году торгующихъ корейцевъ насчитывалось всего только 12 человѣкъ, а потому, не выдѣляя ихъ въ особую группу, посмотримъ, какъ распредѣлялись желтокожіе и европейцы по отдѣльнымъ отраслямъ торговаго производства.

Родъ торговли.	Число занятыхъ торговлею лицъ					
	Въ Амурск. обл.			Въ Приморск. обл.		
	Желт.	Европейц.	%	Желт.	Европейц.	%
Торговое посредничество	3	18	85,7	145	72	33,2
Торговля вообще	703	421	37,5	785	239	23,3
„ живымъ скотомъ	—	33	100,0	15	20	57,2
„ зерновыми продуктами .	2	13	86,6	18	9	39,1
„ другими продукт. сельскаго хозяйства . . .	50	213	81,0	1.051	409	28,0

Торговля строительными матеріалами, топливомъ . .	7	121	96,8	70	70	50,0
„ предметами домашняго обихода	—	5	100,0	1	5	83,3
„ металлическ. товарами, машин. и оружіемъ .	—	6	100,0	13	26	66,6
„ тканями и предметами одежды	65	75	53,6	243	48	16,5
„ кожами, мѣхами и проч.	—	8	100,0	28	9	24,3
„ предметами роскоши, наукъ и искусства . .	1	10	99,9	1	3	75,0
„ остальными предметами	—	4	100,0	28	5	15,1
„ разносная и развозная .	192	35	15,4	483	37	7,1
Содержаніе трактировъ и питейн. заведеній	54	196	77,9	731	322	30,6

Изъ этой таблицы видно, что излюбленными видами китайской торговли въ Амурской области являются: смѣшанная торговля разными товарами и затѣмъ разносный и развозный торгъ, которыми занято 82 слишкомъ процента всѣхъ торгующихъ китайцевъ. Въ Приморской области къ этимъ двумъ видамъ присоединяется еще торговля разными продуктами сельскаго хозяйства, т.-е. торговля овощами, фруктами, орѣхами и другой съѣдобной мелочью растительнаго царства. Эти три вида торговли поглощаютъ собою 66% всего торгующаго китайскаго люда. Но въ Приморской области замѣчается сверхъ того стремленіе захватить и другія области торговли. Такъ численное преобладаніе китайцевъ замѣчается въ торговлѣ зерновыми продуктами, мануфактурой и предметами одежды, а также кожами и мѣхами. Преобладаніе китайцевъ въ трактирномъ промыслѣ и въ питейной торговлѣ не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ эти заведенія содержатся ими исключительно для пришлаго китайскаго люда, который продовольствуется лишь въ китайскихъ харчевкахъ и пьетъ свое, такъ называемое „манзовское" пиво, совершенно отличное отъ европейскаго и по вкусу и по способу приготовленія.

Крупныхъ китайскихъ торговыхъ предпріятій въ краѣ, сравнительно, немного, подавляющее же большинство принадлежитъ мелкимъ торговцамъ, весь наличный товаръ коихъ исчисляется сотнями и даже десятками рублей. Но чѣмъ

мельче китайское предпріятіе, тѣмъ труднѣе конкурировать съ нимъ русскому торговцу, такъ какъ, при своей малой требовательности, китаецъ можетъ довольствоваться столь малою прибылью, при которой русскому человѣку нѣтъ возможности окупить даже расходы на свое содержаніе.

Но главная сила китайцевъ и главное ихъ преимущество передъ русскими заключаются не столько въ этой способности сжимать свои личныя потребности до самаго крайняго минимума, сколько въ томъ соціальномъ укладѣ, на которомъ держится вся китайская торговля. Однимъ изъ главныхъ отличій китайской культуры отъ всякой другой является широкое развитіе кооперації. Она проникаетъ собою всѣ отношенія китайцевъ другъ къ другу и особенно тѣсно спаиваетъ ихъ на чужбинѣ. Въ торговлѣ кооперація проявляется двояко.

Во-первыхъ, всякое китайское торговое предпріятіе не исключительно личное, а артельное дѣло, въ которомъ всѣ, начиная отъ главноуправляющаго до послѣдняго боя, который служитъ привратникомъ магазина или разноситъ товары покупателямъ, въ большей или меньшей степени, участвуютъ въ прибыляхъ предпріятія и, слѣдовательно, заинтересованы лично въ его успѣхѣ. Поэтому каждый участникъ такой ассоціаціи отожествляетъ свое благополучіе съ интересами торговаго дѣла и всѣми силами стремится къ тому, чтобы, при наименьшихъ затратахъ, оно давало возможно больше прибыли. Отсюда особая добросовѣстность, особая рачительность о дѣлѣ, особая энергія, которую каждый вкладываетъ въ общее и вмѣстѣ съ тѣмъ свое дѣло. На этомъ основаніи служащій въ торговомъ предпріятіи китаецъ довольствуется самымъ малымъ вознагражденіемъ. Тамъ, гдѣ русскій получалъ-бы 50—75 р. въ мѣсяцъ, китаецъ довольствуется 5—6 рублями и такимъ образомъ издержки торговаго производства низводятся до минимума, а капиталъ, составляющій разницу между содержаніемъ служащихъ въ русской и китайской торговлѣ, поступаетъ въ общій оборотъ торговаго дѣла и производитъ свою полезную работу, которая увеличиваетъ прибыль каждаго изъ участниковъ предпріятія. Служащіе и хозяинъ живутъ, обыкновенно, подъ одной кровлей и продовольствуются изъ одного котла, на артельныхъ началахъ,

что обходится, конечно, значительно дешевле, чѣмъ содержаніе каждаго порознь. Расчетъ причитающейся на долю служащихъ прибыли производится по окончаніи года и если, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ и за удовлетвореніемъ нуждъ проживающей въ Китаѣ семьи, получается какой либо остатокъ, то онъ вкладывается въ то же предпріятіе и дѣлаетъ каждаго изъ служащихъ участникомъ въ немъ не только трудомъ, но и капиталомъ, постепенно увеличивая долю послѣдняго.

Другой видъ кооперації, безъ котораго китайская торговля была-бы немыслима—широко развитой взаимный кредитъ, развѣтвляющійся на безчисленное множество мелкихъ извилинъ и связывающій всѣхъ торгующихъ китайцевъ, отъ богача до самаго мелкаго разносчика, чѣмъ-то вродѣ круговой поруки взаимнаго одолженія. Каждый торгующій китаецъ есть банкиръ и въ то-же время кліентъ множества другихъ банкировъ. Эта организація совершенно непонятна индивидуалисту-европейцу. Но китайцы легко разбираются въ этой сѣти самыхъ сложныхъ и запутаныхъ кредитныхъ отношеній и сводятъ всѣ счеты къ своему Новому Году. Благодаря этому кредиту, говоритъ одинъ изъ знатоковъ торговыхъ отношеній китайцевъ въ Приамурьи, „одинъ и тотъ же капиталъ, проходя по множеству рукъ, даетъ заработокъ всѣмъ участникамъ, почти ничего не имѣющимъ собственнаго или очень мало, въ сравненіи съ оборотомъ“.

Другою особенностью китайскаго торговца является стремленіе возможно быстрѣе обращать вложенный имъ въ дѣло капиталъ. Поэтому онъ, чтобы поскорѣе продать, охотно отпускаетъ въ кредитъ и даже навязываетъ его покупателю и не стоитъ за цѣною, отпуская товаръ ниже фиксированныхъ въ розничной торговлѣ цѣнъ тѣхъ европейскихъ магазиновъ, гдѣ онъ самъ пріобрѣтаетъ товаръ. Это привлекаетъ къ нему не только инородцевъ, вкусы которыхъ китаецъ изучилъ въ совершенствѣ, но и русскихъ покупателей, въ результатѣ же оказывается, что, при болѣе низкой цѣнѣ, но при болѣе быстромъ оборотѣ, онъ получаетъ прибыли нисколько не меньше своего европейскаго соперника.

При такихъ особенностяхъ строя и при свойственной ки-

тайцамъ юркости и оборотливости въ коммерческой сферѣ, ихъ торговля отличается столь большою стойкостью и вмѣстѣ съ тѣмъ такою гибкостью, что борьба съ нею становится крайне затруднительной и даже почти невозможной. Какъ бы ни урѣзывалъ русскій торговецъ свои личныя потребности, какъ бы ни сокращалъ издержки торговаго производства, онъ, даже превзойдя своей бережливостью китайца, не въ силахъ конкурировать съ нимъ, потому что онъ не имѣетъ ни столь же широко развитого кредита, ни привычки работать сообща, и всѣ его единичныя, разрозненныя усилія должны разбиться о крѣпкую стѣну сплоченной китайской организаціи.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ торговля китайцевъ среди мѣстныхъ инородцевъ—орочонъ и гольдовъ. До присоединенія къ намъ Уссурійскаго края, китайцы были единственной культурной націей, которая входила въ соприкосновеніе съ этими полудикими дѣтьми тайги. Они снабжали инородцевъ всѣмъ необходимымъ для промысла, но зато отбирали у нихъ всю добытую пушнину. Съ присоединеніемъ края, эти отношенія нисколько не измѣнились. Чтобы не мѣшать другъ другу и не вступать между собою въ конкуренцію, что могло послужить къ поднятію цѣнъ на пушнину и мало по-малу освободить инородцевъ отъ китайской кабалы, китайцы раздѣлили весь край на участки и на каждомъ изъ нихъ сидѣлъ свой „хозяинъ“, „джян-гуя“ и имѣлъ сношенія съ проживавшими въ предѣлахъ его участка инородцами.

Торговля была, да и теперь ведется, почти исключительно мѣновая и притомъ въ кредитъ. Осенью, передъ началомъ пушного сезона, китаецъ снабжаетъ инородца всѣмъ необходимымъ, по тѣмъ цѣнамъ, которыя издавна установились въ отдѣльныхъ участкахъ тайги, въ зависимости отъ степени ихъ доступности и удаленности отъ жилыхъ мѣстъ.

Вотъ нѣсколько образчиковъ цѣнъ, существовавшихъ пять лѣтъ тому назадъ, въ 1904 году: пудъ буды (китайское просо)— отъ половины до трехъ соболей, пудъ простого маньчжурскаго табаку на Бикинѣ—шесть соболей, пудъ соли тамъ же— три соболя, кулекъ американской муки въ 55 фунтовъ по Хунгари — 1 соболь, фунтъ пороху — отъ $^1/_3$ до 4 соболей,

фунтъ свинцу—отъ 1/8 до 1 соболя, три сажени бязи по Бикину—одинъ соболь, ружье фитильное тамъ же — шесть соболей, берданка—отъ 6 до 8 соболей, 20 патроновъ—1 соболь, 2 банки пистоновъ—тоже, 30 ф. сахару по Хунгари и въ Императорской гавани—1 соболь, 8 кирпичей чаю тамъ же и по Отою—1 соболь и т. д.

За полученные отъ китайца товары инородецъ, послѣ зимняго промысла, долженъ принести соотвѣтствующее количество соболей. Въ случаѣ неудачнаго промысла, расплата отсрочивается до окончанія слѣдующаго сезона, съ надбавкою къ капитальной суммѣ долга 50%. Но такъ какъ начать осенній промыселъ нельзя безъ свинцу, пороху, патроновъ, провизіи и пр., то инородецъ снова забираетъ у китайца все необходимое и такимъ образомъ залѣзаетъ въ неоплатный долгъ, становясь со всею семьею навѣки кабальнымъ рабомъ китайца, который нерѣдко заколачиваетъ до полусмерти своего неисправнаго кліента, перебиваетъ ему бамбукомъ пятки и сухожилья на голеняхъ и бросаетъ его, изувѣченнаго, въ тайгѣ на произволъ судьбы, или отбираетъ у него жену и дѣтей, а самого отдаетъ въ заработки или, вѣрнѣе, продаетъ другому китайцу.

Въ способахъ торговли и въ цѣнахъ на продукты китайцы вполнѣ солидарны другъ съ другомъ, такъ что переходъ инородцевъ отъ одного „хозяина“ къ другому, если бы онъ и былъ возможенъ, ничего не мѣняетъ въ экономическомъ быту инородца. Но, въ дѣйствительности, такой переходъ немыслимъ, такъ какъ ни одинъ китаецъ не станетъ вести дѣло съ чужимъ инородцемъ, не дастъ ему товара и не пріймет отъ него пушнины. Это закабаленіе инородца искусственно удерживаетъ его на пушномъ промыслѣ и не даетъ ему возможности перейти къ осѣдлой жизни и къ другимъ занятіямъ, хотя бы они были и прибыльнѣе.

Мало по малу въ тайгу начинаютъ проникать и русскіе скупщики пушнины. По Амуру соболь и ходкіе среди инородцевъ товары уже расцѣниваются на деньги. Дрогнула китайская сила и въ другихъ близкихъ къ населеннымъ мѣстахъ, а въ глуши все остается по старому. Въ борьбѣ съ русской конкурренціей, китайцы изобрѣли новое средство для

закабаленія инородцевъ. За послѣднее десятилѣтіе среди орочей, въ особенности по рѣкамъ Хору, Бикину, Иману, Сандо-Вапу и даже Уссури замѣчается усиленное распространеніе опіума. Дикари быстро привыкаютъ къ этому яду и, при недостаткѣ соболя, добыча котораго становится съ каждымъ годомъ все труднѣе, мѣняютъ на опіумъ послѣдніе остатки своего убогаго имущества.

VI.

Сельское хозяйство и желтая раса.

Непригодность обычной русской системы полеводства къ мѣстнымъ условіямъ климата и почвы. Экстенсивность русскаго хозяйства. Заработная плата. Сдача земли въ аренду. Роль корейцевъ въ культурѣ непригодныхъ для русскихъ земель. Слабая производительность русскаго хозяйства. Мѣстныя и харбинскія цѣны на хлѣбъ. Покровительственная политика интендантства. Себѣстоимость русскаго хлѣба. Причинная связь экстенсивности русской культуры съ системой полеводства. Невозможность, при современныхъ условіяхъ, вести русское полевое хозяйство безъ помощи дешеваго труда желтой расы. Первые признаки вліянія корейско-китайской сельскохозяйственной культуры на русскую.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о китайцахъ, такъ какъ, по численности, они играютъ главную роль въ разсмотрѣнныхъ нами промыслахъ. Теперь мы переходимъ къ вопросу о роли желтой расы въ сельскомъ хозяйствѣ, а потому намъ прійдется говорить, по преимуществу, о корейцахъ, главнымъ занятіемъ которыхъ является земледѣліе.

Господствующіе въ Приамурьѣ, какъ и вообще въ Восточной Азіи, мусоны дѣлаютъ климатъ этой страны совершенно непохожимъ на климатъ Европейской Россіи. Въ то время какъ въ послѣдней осадки распредѣляются по временамъ года болѣе или менѣе равномѣрно и составляютъ въ лѣтнее время около 63% годового количества осадковъ, въ Приамурьѣ на весну и лѣто приходится осадковъ отъ 86½ до 98%. Легкая, порошкообразная лёсовая почва также значительно отличается отъ привычнаго для русскаго крестьянина суглинка или чернозема. Эти особенности почвы и климата, путемъ сельскохозяйственнаго опыта, насчитывающаго за со-

бою нѣсколько тысячелѣтій, создали среди китайцевъ и корейцевъ совершенно своеобразную земледѣльческую культуру, которая ни въ чемъ не сходствуетъ съ привычной для русскаго крестьянина системой земледѣлія.

Наголодавшіеся среди своего безземелья переселенцы обрадовались вольному простору Уссурійскаго края и заняли распаханныя китайцами земли. Но тамъ, гдѣ благоденствовалъ китаецъ со своимъ кропотливымъ трудомъ и своеобразной обработкой земли грядками, которая даетъ возможность стекать и вывѣтриваться лишней влагѣ, тамъ русскій крестьянинъ оказывался часто въ самомъ безпомощномъ положеніи. Привезенные съ собою плуги оказывались непригодными, привычные сорта сѣмянъ быстро вырождались, хлѣбъ отъ избытка влаги на сплошной, обильными дождями превращенной въ болото пашнѣ тянулся въ солому, былъ заглушаемъ роскошно произраставшими на влажной почвѣ сорными травами и страдалъ отъ головни и другихъ вредоносныхъ грибковъ, которые отравляли хлѣбъ и дѣлали его непригоднымъ въ пищу не только для людей, но даже и для скота. Но эти печальныя послѣдствія плохо учитываются русскимъ крестьяниномъ, который полагаетъ, что китайскій способъ полевой культуры находится подъ покровительствомъ нечистой силы, а потому продолжаетъ и въ новомъ краю усвоенную отъ дѣдовъ систему полеводства.

Результатомъ такого консерватизма, поддерживаемаго толпами ежегодно прибывающихъ новоселовъ, является усиливающееся съ каждымъ годомъ распространеніе хлѣбныхъ паразитовъ. „Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ А. А. Кауфманъ, пьяный хлѣбъ встрѣчался лишь въ сравнительно небольшомъ раіонѣ... въ настоящее же время болѣзнь эта распространилась по всему морскому побережью, до залива св. Ольги включительно, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ заселенію нарѣзанныхъ здѣсь участковъ, и вдоль по линіи желѣзной дороги проникла не менѣе нежели до поселка Воскресенскаго“. Другимъ бичомъ хлѣба на русскихъ пашняхъ является головня, которая, по словамъ правительственнаго агронома Бражникова, въ Приханкайскомъ раіонѣ поражаетъ половину и даже до $^2/_3$ всего урожая

пшеницы. По свидѣтельству другого правительственнаго агронома, Крюкова, амурскій хлѣбъ чрезвычайно засоренъ и въ немъ гнѣздятся различныя болѣзни. Но и, сравнительно, здоровая часть хлѣба поражаетъ большимъ количествомъ щуплаго, морщинистаго, недоразвившагося и проросшаго зерна. По отзывамъ уссурійскихъ мукомоловъ, для выдѣлки крупчатки можно пускать въ дѣло лишь 10—15% уссурійскаго зерна, остальное количество приходится выписывать изъ Маньчжуріи. Этотъ фактъ можетъ служить яркой характеристикой сравнительной пригодности русской и китайской системы полеводства.

При такихъ условіяхъ, занятіе земледѣльческимъ промысломъ было бы совершенно немыслимо, еслибы русскаго переселенца не спасало многоземелье, которое даетъ возможность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ вести экстенсивное хозяйство. Но и широкій просторъ стодесятинныхъ на семью надѣловъ не устранилъ бы неизбѣжнаго банкротства русскаго сельскохозяйственнаго промысла, еслибы судьба не послала ему бѣдствующаго и гонимаго на родинѣ корейца, который готовъ довольствоваться самымъ ничтожнымъ заработкомъ, лишь бы спастись отъ голода и тѣхъ тяжелыхъ условій гражданскаго бытія, которыя сложились для него въ его отечествѣ. Эти выходцы массами осѣли на крестьянскихъ земляхъ и работаютъ на нихъ въ качествѣ батраковъ. Во всемъ Уссурійскомъ краѣ едва-ли наберется 10% селеній, гдѣ не пользовались бы при полевыхъ работахъ трудами корейцевъ. На 100 хозяйствъ 63,52 живутъ въ Приморской области наемнымъ трудомъ. Поэтому, безъ всякаго преувеличенія, можно сказать, что сельское хозяйство въ этомъ краѣ держится главнымъ образомъ на корейцахъ.

Та роль, которую послѣдніе играютъ въ Уссурійскомъ краѣ, въ Амурской области принадлежитъ китайцамъ. Знаменитыя молоканскія хозяйства, засѣвающія по 100 и болѣе десятинъ, были бы немыслимы безъ дешевыхъ рукъ зазейскихъ маньчжуръ и пришлыхъ китайцевъ. Въ настоящее время на 100 хозяйствъ только 28,5 обходится безъ наемнаго труда, но этотъ небольшой процентъ падаетъ, какъ и въ Приморской области, по преимуществу, на новоселовъ, кото-

рые еще не успѣли устроиться и перебиваются пока своимъ личнымъ трудомъ.

До какой степени велико въ Приамурьѣ стремленіе крестьянскихъ хозяйствъ развиваться вширь, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ Амурской области, среди поселившихся до 80-хъ годовъ переселенцевъ, только до 28,9% хозяйствъ имѣютъ посѣвную площадь ниже 20 десятинъ, остальные 71,1% засѣваютъ отъ 20 до 75 и болѣе десятинъ на хозяйство и даже, если взять все населеніе Амурской области, включая сюда новоселовъ и тѣхъ, кто хлѣбопашествомъ совсѣмъ не занимается, то и тогда окажется, что ко второй категоріи принадлежитъ 62,5%, а къ первой всего только 37,5%. То же стремленіе вширь замѣчается и въ Приморской области, но оно затемняется здѣсь, во-первыхъ, усиленнымъ притокомъ переселенцевъ и значительнымъ числомъ еще неустроенныхъ хозяйствъ, а во-вторыхъ, широко развитой системой сдачи своихъ земель въ аренду, о чемъ сказано будетъ ниже.

Въ прежніе годы, когда русское населеніе было малочисленно, а притокъ корейцевъ въ Уссурійскій край шелъ безпрепятственно, трудъ ихъ оплачивался крайне скудно. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія русскаго землевладѣнія и спроса на рабочія руки, увеличивалась и заработная плата, которая теперь, въ рабочую пору, колеблется отъ 55 до 80 коп. на хозяйскихъ харчахъ, а осенью и зимою отъ 45 до 50 к. въ день. Плата русскому рабочему значительно выше—отъ 85 до 105 к. лѣтомъ и отъ 60 до 70 коп. осенью и зимою. Такая же разница въ оплатѣ русскаго и китайскаго труда замѣчается и въ Амурской области. Такъ въ 1908 году въ Толстовкѣ платили китайскому рабочему 15 р., а русскому до 25 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, но въ срединѣ лѣта китайцы устроили забастовку и не согласились работать меньше 17 рублей. Въ Гильчинѣ китайцы въ сѣнокосъ получали 80 к., а русскіе 1 р. и даже 1 р. 25 к. въ день.

Болѣе высокія цѣны въ Амурской области объясняются меньшимъ наплывомъ въ нее рабочихъ желтой расы. Вообще послѣдняя играетъ въ Приамурьѣ роль регулятора цѣнъ, ко-

торыя падаютъ съ притокомъ желтокожихъ и, наоборотъ, возрастаютъ, когда послѣдній ослабѣваетъ. Такъ послѣ удаленія маньчжуръ изъ Амурской области, когда единственными рабочими остались новоселы, цѣны на рабочія руки поднялись втрое. Въ Уссурійскомъ краѣ за послѣдніе годы, съ развитіемъ репрессій по отношенію къ корейцамъ, цѣны на сельскохозяйственныхъ рабочихъ увеличились на-половину.

Другой формой участія желтой расы въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ является аренда земель, на которыхъ они ведутъ хозяйство общепринятымъ среди желтой расы способомъ. Изъ всѣхъ сдаваемыхъ земель только 17,4% находятся въ арендѣ у русскихъ, остальная земля арендуется желтыми, причемъ 54,9% состоятъ въ арендѣ у корейцевъ и только 27,7% у китайцевъ. Насколько широко развито арендованіе корейцами земли, можно судить по тому, что въ одномъ только Суйфунскомъ участкѣ, состоящемъ изъ 4 волостей съ 25 селеніями, нѣтъ среди послѣднихъ почти ни одного, въ которомъ земля не сдавалась бы корейцамъ въ аренду, мѣстами въ очень большихъ размѣрахъ. Городская земля Никольска-Уссурійскаго вся въ корейской арендѣ. Они снимаютъ землю, принадлежащую и Владивостоку. Вообще они стремятся снять въ аренду землю, гдѣ бы и въ чьемъ бы владѣніи она ни находилась.

Сдача земли въ аренду корейцамъ очень выгодна. Снимая землю у казны и частныхъ лицъ и платя за нее сами въ среднемъ по 2 р. 50 к. за десятину, русскіе сдаютъ ее корейцамъ по 5 р. 63 к. Но денежная форма арендной платы встрѣчается рѣдко и ей предпочитается плата натурой, такъ какъ, при расчетѣ хлѣбомъ и при переводѣ стоимости его на деньги, съ китайцевъ сходитъ въ среднемъ по 13 р. 33 к., а съ корейцевъ даже по 17 р. 69 к. за десятину. Такая высокая арендная плата служитъ причиною того, что многіе изъ крестьянъ вовсе не занимаются земледѣліемъ, предпочитая сдавать свою землю корейцамъ и жить на положеніи помѣщика, пользуясь рентой съ той самой земли, которая во многихъ случаяхъ была приведена въ культурный видъ ранѣе сидѣвшими на ней китайцами.

Говоря о роли желтой расы въ земледѣльческомъ хозяй-

ствѣ Приамурья, нельзя пройти молчаніемъ одной особенности корейцевъ—ихъ крайней неприхотливости относительно почвы. „Корейцу, говоритъ одинъ изъ наблюдателей ихъ быта, вся та земля удобна, куда онъ можетъ пробраться съ мотыгою въ рукахъ, не стѣсняясь ни лѣсомъ, ни кручей". А. А. Кауфманъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ отношеніе къ землѣ русскихъ и корейцевъ: „мало-мальски значительный уклонъ, связная, глинистая почва, подмѣсь къ почвѣ камня, сколько-нибудь густая лѣсная поросль,—всѣ эти условія дѣлаютъ землю въ глазахъ русскаго переселенца негодною для разработки. А китаецъ или кореецъ пашетъ все: и „горы", и „камень", и „глину", по терминологіи русскихъ поселенцевъ и не смущается расчисткой самаго густого лѣса. Вдавшійся клиномъ въ корейскія владѣнія Посьетскій участокъ, благодаря постояннымъ дождямъ и туманамъ, а также гористому рельефу, признается окончательно негоднымъ для русской колонизаціи, а между тѣмъ въ этомъ участкѣ живетъ до 15 тысячъ корейцевъ, и земледѣліе у нихъ въ цвѣтущемъ состояніи. Подъ самымъ Хабаровскомъ находится нѣсколько русскихъ деревень, населеніе которыхъ живетъ исключительно вырубкой лѣса и не принималось за хозяйство, находя, что отведенная имъ земля непригодна для хлѣбопашества. Рядомъ съ ними осѣли корейцы и снабжаютъ весь Хабаровскъ продуктами молочнаго хозяйства и огородничества. Но этого мало. Они разработали изъ подъ лѣса сплошныя полосы по приамурскимъ увалам, и пашни ихъ залѣзли на такія кручи, которыя, дѣйствительно, легко было-бы признать совершенно негодными для культуры". Тоже самое мы замѣчаемъ и въ низовьяхъ Амура, у г. Николаевска, въ мѣстности, которая до сихъ поръ признавалась совершенно непригодною для сельскаго хозяйства. Тамъ не разводили даже огородовъ, получая всѣ овощи за тысячу верстъ, изъ Хабаровка, и платили, напримѣръ, за капусту до 25 и даже до 30 р. за сотню. Послѣ войны поселились тамъ корейцы и развели чудные огороды, снабжая не только Николаевскъ, но и ближайшія русскія селенія своими овощами. О роли корейцевъ, какъ насадителей огородничества въ золотопромышленной тайгѣ, мы уже говорили.

Большинство рѣкъ Уссурійскаго края имѣютъ горный характеръ, а потому, при обиліи лѣтнихъ дождей, часто превращаются въ бушующіе потоки, которые наводняютъ долины, уносятъ скотъ, разрушаютъ жилища, смываютъ пашни и заносятъ иломъ покосы. Русскіе, въ случаѣ такого несчастья, спѣшатъ переселиться на другое мѣсто и ничего не предпринимаютъ, чтобы укротить враждебную стихію. Корейцы же устраиваютъ береговыя насыпи и продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Такъ въ деревнѣ Александро-Михайловкѣ они покорили р. Хоръ, возведя на протяженіи нѣсколькихъ верстъ вдоль его берега сплошной валъ вышиною въ среднемъ до $1^1/_2$ аршинъ и спокойно воздѣлываютъ ту площадь, которая ранѣе по нѣскольку разъ въ лѣто была затопляема наводненіями.

Но пора подвести итоги всему сказанному нами о роли желтой расы въ сельскомъ хозяйствѣ Приамурья. Мы видѣли выше, что сельское хозяйство Амурской области характеризуется большою экстенсивностью, стремленіемъ запахать и засѣять возможно больше земли. Въ Приморской области это стремленіе сказывается слабѣе, потому что тамъ большой доходъ даетъ сдача надѣльныхъ земель китайцамъ и корейцамъ. Въ чемъ-же корень этого широкаго размаха? Гдѣ искать основныхъ причинъ, заставляющихъ амурскаго крестьянина обрабатывать столь большіе участки земли, которые, по масштабу Европейской Россіи, характерны лишь для деревенскихъ кулаковъ и мелкихъ помѣщиковъ? Пусть намъ отвѣтятъ на это цифры.

Несмотря на расширяющуюся съ каждымъ годомъ площадь посѣва, Приамурье не въ состояніи прокормиться своимъ хлѣбомъ и его приходится ежегодно подвозить изъ Маньчжуріи. Интендантство, напримѣръ, которое пользуется, по преимуществу, мѣстнымъ хлѣбомъ, желая поддержать этимъ амурское земледѣліе, все-таки изъ года въ годъ покупаетъ хлѣбъ въ Маньчжуріи. Золотопромышленники, для которыхъ, по причинѣ удаленности ихъ пріисковъ отъ жилыхъ мѣстъ, было бы выгоднѣе пріобрѣтать хлѣбъ мѣстный, не могутъ обойтись безъ маньчжурскаго и за періодъ времени 1903—1905 годовъ они вывозили оттуда отъ 400 до 500 тысячъ пудовъ

хлѣба ежегодно. Сверхъ того пріобрѣтаютъ маньчжурскій хлѣбъ мукомолы и винокуренные заводчики; наконецъ, въ Приамурье въ значительныхъ количествахъ ввозится хлѣбъ въ размолотомъ видѣ и не только изъ Маньчжуріи, но даже изъ Америки и Европейской Россіи.

При такомъ несоотвѣтствіи спроса съ предложеніемъ, цѣны на хлѣбъ должны быть очень высоки, что должно служить къ обогащенію земледѣльческаго класса и онѣ, дѣйствительно, таковы. Но эти возвышенныя цѣны искусственно поддерживаются интенданствомъ, которое, въ цѣляхъ покровительства сельскому хозяйству, платитъ за мѣстный хлѣбъ значительно дороже, чѣмъ оно могло бы пріобрѣсти его въ Маньчжуріи. Такъ въ 1907 г. хлѣбъ въ Харбинѣ продавался по 40, а мука по 70 к. за пудъ; интендантство же платило на мѣстѣ за пшеницу по 95, а за муку по 1 р. 16 к.

Но не въ одной только повышенной цѣнѣ на хлѣбъ выражается поддержка интендантствомъ сельскохозяйственнаго промысла въ Приамурьѣ. Въ періодъ полевыхъ работъ, оно выдаетъ крестьянамъ задатки; чтобы избѣжать коммиссіонеровъ, оно устраиваетъ въ удобныхъ для крестьянъ мѣстахъ особые пріемные пункты; оно принимаетъ сыромолотное зерно, безъ ограниченія предѣла его влажности; допускаетъ сдачу засоренаго зерна, считая по полуфунту на пудъ и даже болѣе, и, наконецъ, въ виду плохихъ качествъ мѣстнаго хлѣба, оно на 10 ф. понизило натуру зерна, теряя на качествѣ хлѣба и переплачивая на помолѣ.

Несмотря на это, амурскій крестьянинъ далекъ отъ того благоденствія, какого можно было бы ожидать, судя по вышеприведеннымъ цѣнамъ и по количеству засѣваемой земли. По статистическимъ даннымъ, оказывается, что себѣстоимость пшеницы колеблется въ Амурской области отъ 71 до 80 к., а въ Уссурійскомъ краѣ отъ 65 до 74 к. за пудъ. Въ то же время цѣны на пшеницу въ Харбинѣ за время 1900—1903 и 1906—1908 годовъ (время войны, когда цѣна хлѣба подымалась до 2 р. 25 к. за пудъ, мы исключаемъ) колебались въ среднемъ отъ 44,7 до 48,9 за пудъ. Слѣдовательно, себѣстоимость амурскаго хлѣба превышаетъ продажную его цѣну въ Харбинѣ—въ Уссурійскомъ краѣ, приблизительно,

на 45,4—51,2%, а въ Амурской даже на 58,4—63,6%, не считая стоимости доставки его на рынокъ.

Такимъ образомъ существующая въ Приамурьѣ рыночная цѣна на хлѣбъ едва окупаетъ издержки производства и всякое пониженіе ея, напримѣръ, подъ вліяніемъ конкуренціи маньчжурскаго хлѣба, не можетъ не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на его сельскомъ хозяйствѣ. Въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія интендантство пробовало понизить цѣны на хлѣбъ, но этотъ опытъ оказался неудачнымъ. Количество запашки начало, относительно, уменьшаться, а крестьяне стали бросать земледѣліе и переходить къ другимъ промысламъ, такъ какъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ сдѣлалось безвыгоднымъ и не окупало издержекъ производства.

Отсюда очевидно, что не страсть къ наживѣ, а экономическая необходимость, горькая нужда, невозможность прокормиться съ меньшаго участка заставляютъ приамурскаго крестьянина раскидывать широко свои посѣвы. Та система полеводства, которую онъ усвоилъ съ дѣтства, оказывается совершенно непримѣнимой къ условіямъ новаго для него края, но, по своей косности и высокомѣрно-презрительному отношенію къ „желтой твари“, онъ продолжаетъ держаться дѣдовскихъ завѣтовъ, и природа мститъ ему за это сорными травами, которыя глушатъ его посѣвы, грибными болѣзнями, которыя превращаютъ зерно въ сажу или дѣлаютъ его совершенно несъѣдобнымъ, малыми урожаями, плохими качествами зерна, которое даетъ малопитательную муку.

При такихъ условіяхъ, сельское хозяйство, конечно, можетъ существовать, только при условіи самаго широкаго развитія экстенсивной системы полеводства, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока интендантство не отняло отъ него своей благодѣющей руки. Но и эти казенныя подпорки не помогли бы ему, еслибъ въ краѣ не было дешовыхъ корейскихъ и китайскихъ рукъ. Средняя крестьянская семья состоитъ въ Амурской области изъ 7,88 душъ, а въ Уссурійскомъ краѣ изъ 6,32. На эту семью приходится работниковъ, мужчинъ и женщинъ, 2,71 души. Развѣ мыслимо при такой рабочей силѣ обработать то количество пашни, которое, какъ мы видѣли,

является лишь минимальнымъ для прокормленія этой семьи? Расходный бюджетъ крестьянина оставляетъ ему чистой прибыли—въ Амурской области 116 р. 73 к., а въ Приморской—даже 41 р. 54 к., но эти прибыли даетъ ему не земледѣліе, а побочные промыслы, вродѣ извоза, рыболовства, охоты и пр. Сами по себѣ эти промыслы не въ состояніи прокормить крестьянина, а сельское хозяйство возможно лишь при широкомъ приложеніи наемнаго труда. Наемная же плата русскому рабочему, какъ мы видѣли, превышаетъ плату рабочему желтой расы—въ Уссурійскомъ краѣ отъ 31,5 до 54,5%, а въ Амурской области отъ 40 до 56,3%. Но и эта плата существуетъ лишь потому, что, на ряду съ русскими, предлагаютъ свой трудъ корейцы и китайцы, а не будь ихъ, заработная плата поднялась бы такъ высоко, что и казенная субсидія не могла бы предотвратить неминуемой гибели сельскохозяйственнаго промысла.

Такимъ образомъ мы видимъ, что главнѣйшая и единственно возможная въ настоящее время, при зачаточномъ состояніи обрабатывающей промышленности въ краѣ, отрасль народнаго хозяйства—земледѣліе держится, лишь благодаря дешовымъ рукамъ желтой расы, безъ которой оно неминуемо должно погибнуть.

Но не одной только дешовой оцѣнкой труда приносятъ пользу краю желтокожіе рабочіе. Ихъ примѣръ, хотя и медленно, но все-таки воспринимается русскими переселенцами. Послѣ того какъ оказалось, что русская пшеница, а также просо и ячмень, непригодны для края, они стали пріобрѣтать сѣмена изъ Китая. Но и китайская пшеница, при непривычномъ для нея способѣ культуры, также черезъ нѣсколько лѣтъ выраждается, а потому многіе крестьяне Южно-Уссурійскаго края ежегодно обновляютъ сѣмена своей пшеницы, для чего нарочно ѣздятъ въ Маньчжурію, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ границы. Овесъ китайцы, повидимому, заимствовали у русскихъ, но въ то время какъ у насъ онъ вырождается, китайцы такъ сумѣли его культивировать, что русскіе для обсѣмененія полей пріобрѣтаютъ овесъ также у китайцевъ. Жители с. Гильчинъ переняли у маньчжуръ посѣвъ черной сои, а отъ нихъ посѣвъ сои переняли и Тол-

стовцы. Подъ вліяніемъ корейской культуры, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ стали унаваживать и полоть поля. Выполка полей, особенно пшеницы, примѣняется повсемѣстно и не менѣе двухъ-трехъ разъ въ лѣто. Отъ корейцевъ же переняли они посѣвъ просовыхъ и бобовыхъ, которые составляютъ въ Уссурійскомъ краѣ свыше 15% всѣхъ посѣвовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣченъ переходъ къ плодосмѣну зерновыхъ хлѣбовъ бобовыми, чѣмъ достигается обогащеніе почвы азотомъ. Въ другихъ, послѣ двухъ-трехъ посѣвовъ зернового хлѣба, сдаютъ землю китайцамъ подъ посѣвъ черныхъ бобовъ или раздѣлываютъ поле на широкія гряды. Но дальше всѣхъ по пути усвоенія китайской культуры пошли жители с. Пермскаго, близъ залива св. Ольги. Послѣ двухъ-трехъ хлѣбовъ, посѣянныхъ „по русски", поле раздѣлывается китайскимъ плугомъ на грядки, которыя засѣваются рядовымъ посѣвомъ, а во время произрастанія хлѣба, междугрядія нѣсколько разъ перепахиваются и мотыжатся. Такимъ образомъ есть надежда, что, при взаимномъ общеніи съ представителями желтой расы, русскіе переселенцы постепенно усвоятъ себѣ главные принципы интенсивной китайской культуры, и земледѣльческій промыселъ въ Приамурьѣ выбьется со временемъ изъ того безпомощнаго положенія, въ какомъ онъ находится нынѣ.

VII.

Политическое значеніе внѣдренія къ намъ желтой расы.

Отношеніе китайскаго правительства къ занятію нами Уссурійскаго края. Манзовская война. Китайское вліяніе среди инородцевъ. Судебно-административная организація проживающихъ среди насъ китайцевъ. „Кады" и его политическое значеніе. Пробужденіе національнаго самосознанія китайцевъ и его литературная пропаганда. Неустойчивость положенія на Востокѣ. Опасное положеніе населенія въ переполненныхъ китайцами городахъ Приамурья. Китайскіе лазутчики. Корейцы и ихъ отношеніе къ Россіи.

Мы видѣли, какое глубокое, въ общемъ, различіе лежитъ между китайцами и корейцами, какъ факторами экономической жизни Приамурья. Еще большее различіе между ними

въ ихъ политической роли. Китайцы, какъ стародавніе жители края, успѣли пустить въ немъ глубокіе корни. Они проживали здѣсь задолго до присоединенія Приамурья и черезъ маньчжурскихъ властей, которыя фактически управляли краемъ, имѣли связь и съ пекинскимъ правительствомъ. Въ средѣ послѣдняго не одинъ разъ возникали проекты болѣе плотнаго заселенія долины рѣки Уссури выходцами изъ Китая, но ихъ осуществленіе по разнымъ причинамъ откладывалось, хотя мысль о заселеніи ея не покидала правящія сферы Китая вплоть до заключенія Айгунскаго трактата.

Извѣстно, какъ отнеслось пекинское правительство къ той части этого договора, которая касалась Уссурійскаго края. Мандаринъ И-шань, подписавшій трактатъ, „за превышеніе власти и глупость" былъ лишенъ чиновъ и сана, а его помощника китайское правительство отправило на Уссури съ деревянною колодкою на шеѣ, на показъ и въ назиданіе всѣмъ вѣрноподданнымъ. Нашему русскому послу Игнатьеву было сообщено оффиціально, что „Китайскій великій государь, вездѣ любя все живое, не хотѣлъ, чтобы простой народъ русскаго государства терпѣлъ лишенія и стѣсненія, и далъ пустыя земли по лѣвому берегу Амура для житья безпріютному народу... *Мѣста же по Уссури и Суфунъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уступлены.* Въ случаѣ упорства со стороны Россіи китайское правительство прекратитъ торговлю въ Маймаченѣ, Чугучакѣ и Кульджѣ и доведетъ до свѣдѣнія всѣхъ другихъ государствъ о несправедливости русскихъ дѣйствій". Такому толкованію способствовала неопредѣленность выраженій Айгунскаго трактата и Тянь-цзинскаго договора относительно границъ, въ предѣлахъ коихъ край долженъ былъ принадлежать Россіи... Вопросъ этотъ китайское правительство поставило такъ рѣзко, что Игнатьевъ вынужденъ былъ прекратить дипломатическія сношенія и выѣхать изъ Пекина. Но это не испугало правительства, которое, очевидно, готово было съ оружіемъ въ рукахъ защищать неприкосновенность Уссурійскаго края.

Мирному улаженію этого остраго конфликта помогла союзная англо-французская демонстрація, которая такъ напугала пекинское правительство, что богдыханъ бѣжалъ, поки-

нувъ свою столицу и предоставивъ ея судьбы великодушію врага. Игнатьевъ явился тогда въ роли примирителя и, въ благодарность за это, Китай пожертвовалъ Уссурійскимъ краемъ, границы котораго были точно опредѣлены Пекинскимъ договоромъ 1860 года. Но и этотъ, вынужденный стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ трактатъ не лишилъ Китай надежды вернуть себѣ этотъ край, и въ 1886 г., когда особая разграничительная русско-китайская коммиссія возстановляла уничтоженные пограничные знаки, между русскими и китайскими властями возникъ довольно серьезный конфликтъ изъ-за принадлежности Новгородской бухты, который кончился въ нашу пользу, только послѣ угрозы прервать переговоры.

Еще ранѣе, въ 1868 г., китайцами была сдѣлана извѣстная подъ именемъ „манзовской войны", попытка отнять у насъ этой край. Это событіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. На лежащемъ у входа въ Уссурійскій заливъ о. Аскольдѣ имѣются богатыя мѣсторожденія золота. Китайцы, стали толпами посѣщать этотъ островъ и производить на немъ хищническую разработку золота. Въ 1867 г. русское военное судно выгнало ихъ оттуда, но на слѣдующій годъ китайцы снова появились на островѣ въ количествѣ отъ 500 до 600 человѣкъ и уже вооруженные. Будучи выгнаны снова и не оказавъ никакого сопротивленія морякамъ, они высадились на берегъ. Здѣсь къ нимъ пристали толпы мѣстныхъ китайцевъ, которыя быстро увеличивались пришлыми. Русское населеніе края было тогда очень малочисленно, и китайцы набросились на него, предавая огню русскія деревни, разграбляя имущество новоселовъ, и избивая ихъ самихъ. Такъ были разрушены деревни Цимухэ, Суйфунъ и Никольское. Населеніе ихъ частью разбѣжалось, а частью было перебито. Китайцы направлялись къ оз. Ханка, съ цѣлью занять южную часть края и обезпечить за собою пограничную его полосу, чтобы не быть отрѣзанными отъ Маньчжуріи и имѣть съ нею безпрепятственное сообщеніе. Но ихъ планъ не удался, и въ 20 верстахъ отъ разгромленнаго ими с. Никольскаго мятежныя китайскія банды были настигнуты казачьимъ отрядомъ, который и разбилъ ихъ на

голову. Тогда этому событію постарались придать характеръ обыкновеннаго разбоя, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое дерзкое нападеніе китайскихъ шаекъ было инспирировано правительствомъ, которое, въ случаѣ успѣха экспедиціи, не замедлило бы воспользоваться его плодами, а при неудачѣ, какъ оно и случилось, свалило бы все происшедшее на плечи хунхузовъ и всякаго бездомоваго сброда.

Выше мы видѣли, въ какой экономической зависимости отъ китайцевъ находились и еще теперь находятся инородцы Уссурійскаго края. Политическая зависимость идетъ рядомъ съ экономической, и еще донынѣ авторитетъ китайцевъ очень силенъ среди инородцевъ. По компетентному свидѣтельству Надарова, еще не такъ давно, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, инородцы платили китайцамъ дань по два соболя съ семьи. Несмотря на то, что ихъ выборные старшины утверждаются въ своемъ званіи русской властью, гольды были убѣждены, что они подчинены не русскому, а китайскому правительству. Каждый пріѣзжій изъ-за Уссури китаецъ пользовался среди нихъ такимъ почетомъ, что, при первомъ его появленіи, гольды бросались на колѣни и простирались ницъ у ногъ китайца. Въ то же время русскаго, облеченнаго въ блестящую форму офицера они ставили ни во что и не считали нужнымъ отвѣчать обычнымъ „здравствуй“ на его привѣтствіе при входѣ въ фанзу. Съ теченіемъ времени многое, конечно, измѣнилось въ отношеніяхъ инородцевъ къ русскимъ, но еще и теперь китайцы распространяютъ среди гольдовъ убѣжденіе, что всѣхъ ихъ, а по преимуществу грамотныхъ, русскіе хотятъ забрать въ солдаты. Это питаетъ недружелюбіе инородцевъ къ русскимъ и вселяетъ въ нихъ боязнь грамоты. Послѣдняя война сильно подорвала нашъ авторитетъ среди инородцевъ и это создаетъ удобную почву для китайской пропаганды.

Вслѣдствіе слабой населенности и бездорожья края, русскіе долго отказывались творить судъ и расправу среди китайцевъ, предоставляя имъ самимъ, какъ знаютъ, водворять порядокъ въ своихъ селеніяхъ. Если же совершенное китайцемъ преступленіе было слишкомъ громко и доходило до русскихъ властей, то виновнаго китайца препровождали въ

Мэньчжурію и отдавали во власть ближайшаго нойона. Это невмѣшательство русской власти укрѣпило и узаконило существовавшую среди китайцевъ судебно-административную организацію, которая была такова: каждый китайскій поселокъ, къ коему причислялись и ближайшія, одиноко раскинутыя фанзы, выбиралъ изъ своей среды старшину. Старшины нѣсколькихъ селеній, составлявшихъ округъ, на которые китайцами былъ подѣленъ весь Уссурійскій край, выбирали изъ своей среды „старшаго брата", который становился во главѣ округа и ему были подчинены „младшіе братья" — поселенные старшины. Въ опредѣленные промежутки времени устраивались съѣзды младшихъ братьевъ, на которыхъ они, совмѣстно съ окружнымъ начальникомъ, вершили общественныя дѣла, разбирали возникавшія между китайцами тяжбы и творили судъ надъ уголовными преступниками. Для разбора маловажныхъ дѣлъ было достаточно присутствія при старшемъ двухъ младшихъ братьевъ. Компетенція такого суда была безгранична, на него не полагалось никакой апелляціи, и приговоры его, вплоть до смертной казни включительно, приводились въ исполненіе немедленно. Съ 1883 года китайцы были подчинены юрисдикціи русскихъ судовъ, но китайскіе существовали на ряду съ русскими и при томъ настолько гласно, что русскіе, въ своихъ тяжбахъ съ китайцами, обращались иногда къ компетенціи китайскихъ судовъ, которые имѣли передъ русскими преимущество быстроты и непререкаемости.

Въ настоящее время китайскія селенія, а также особые китайскіе поселки при городахъ, гдѣ только и разрѣшается селиться китайскимъ рабочимъ, совершенно автономны. Они имѣютъ своихъ выборныхъ старшинъ, которые утверждаются русскими властями. Китайскіе городскіе, какъ и сельскіе поселки, живутъ своею, совершенно особенною жизнью, и каждый изъ такихъ поселковъ представляетъ маленькій уголокъ Поднебесной Имперіи со своими нравами и обычаями, со своими лавками, банями, цирульнями, со своими театрами и общественными собраніями, со своими харчевками, игорными домами, пивными и опіекурильнями. Было бы невѣроятно, еслибы, при такой строгой изолированности, эти поселки не

имѣли и собственнаго суда. По крайней мѣрѣ мнѣ не извѣстно ни одного случая, чтобы китайцы, для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ, обратились къ русскому суду.

Существуетъ ли и донынѣ дѣленіе Уссурійскаго края на особые китайскіе округа, мнѣ также неизвѣстно, но принимая во вниманіе приверженность китайцевъ къ установившимся издавна формамъ, ихъ, обратившуюся въ потребность, привычку дѣйствовать сообща и крайній національнизмъ, возможно допустить, что болѣе широкія, чѣмъ поселенная община, организаціи существуютъ и донынѣ и служатъ тайному объединенію всѣхъ проживающихъ въ краѣ китайцевъ въ болѣе крупныя группы. Склонность китайцевъ къ конспираціи и къ организаціи стойкихъ массовыхъ группъ, способныхъ въ теченіе долгаго времени сохранять въ скрытомъ состояніи свою энергію, доказывается существованіемъ въ Китаѣ многочисленныхъ тайныхъ обществъ, насчитывающихъ въ своихъ рядахъ сотни тысячъ членовъ, которые до поры до времени ничѣмъ не обнаруживаютъ своего существованія, но, по данному сигналу, поднимаются внезапно, какъ одинъ человѣкъ, и обнаруживаютъ такую стремительность и силу, которая уже не одинъ разъ потрясала престолъ китайскихъ богдыхановъ.

Косвеннымъ подтвержденіемъ существованія такой организаціи и въ нашихъ предѣлахъ можетъ служить весьма распространенный среди проживающихъ у насъ китайцевъ обычай „кады“, который въ Китаѣ воспрещенъ подъ страхомъ смертной казни, такъ какъ онъ является одной изъ формъ для организаціи революціонныхъ обществъ. Это—обычай побратимства между отдѣльными китайцами или цѣлыми организованными группами. Кады приурочивается къ торжественнымъ днямъ китайскаго Новаго Года и заключается въ томъ, что вступающіе въ братскій союзъ пишутъ за общею подписью особое условіе, въ коемъ и клянутся на жизнь и смерть во всемъ помогать другъ другу и быть „какъ братья“. Съ этимъ условіемъ вступающіе въ кады китайцы идутъ въ кумирню и тамъ, послѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, освящается этотъ союзъ. Ежегодно названные братья въ

праздникъ Новаго Года подтверждаютъ свою связь передъ лицомъ боговъ.

Главной особенностью кады являетея то, что каждый изъ новыхъ членовъ пріобщается къ общей организаціи и становится братомъ не только тѣмъ, съ кѣмъ онъ непосредственно вступилъ въ союзъ, но также и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ его названные братья когда либо побратались, и съ кѣмъ эти послѣдніе вступили въ кады безъ его вѣдома. Такимъ образомъ кады является весьма тѣснымъ союзомъ, вяжущимъ своихъ членовъ въ одну соединенную братскую семью, которая сплачивается гораздо тѣснѣе, чѣмъ обыкновенное землячество, основанное на общности отечества. Эта послѣдняя связь всегда существуетъ между китайцами, которые вездѣ и всюду, всилу высоко развитой среди нихъ идеи націонализма, готовы помогать и отстаивать другъ друга, а потому закрѣплять эту связь, при помощи торжественныхъ, освящаемыхъ религіозными обрядами клятвъ, не представляется никакой необходимости. Не можетъ кады имѣть своею цѣлью и простое, основанное на личной симпатіи, содружество, ибо о какой симпатіи можетъ идти рѣчь, если большинство соединенныхъ въ этотъ союзъ китайцевъ никогда не видали другъ друга? Очевидно, что основою и цѣлью этого союза должна быть какая-то общая и при томъ, съ ихъ точки зрѣнія, весьма важная идея, которая, съ одной стороны, шире идеи личнаго содружества, а съ другой имѣетъ болѣе частный характеръ, чѣмъ идея единства національныхъ интересовъ. Какова эта идея, сказать съ увѣренностью, конечно невозможно, но не даромъ же кады есть та организація, которая усвоена въ Китаѣ революціонными партіями и не даромъ китайское правительство караетъ эту форму союза смертною казнью.

Политическое значеніе внѣдренія въ нашъ край китайцевъ не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ оцѣнено безъ знакомства съ преобладающими политическими теченіями внутри самого Китая, а потому попробуемъ приоткрыть завѣсу, скрывающую за мягкими дипломатическими пріемами истинную сущность отношенія къ намъ китайцевъ.

Ища сбыта произведеніямъ своей мануфактуры, въ кото-

рой разряженый въ шелка Китай тогда еще вовсе не нуждался, европейцы пушками заставили его открыть имъ двери, черезъ которыя, между прочимъ, стали ввозить народную отраву—опій, а когда Китай возмутился этимъ систематическимъ развращеніемъ его дѣтей, европейцы пушками же доказали, что право въ силѣ и заставили его охранять это право.

Мы, русскіе, не отставали отъ нашихъ западныхъ собратій, но мы были счастливѣе ихъ. Намъ не приходилось проливать ни капли крови, при занятіи Приамурья, Сахалина, господство надъ которымъ считалось раздѣленнымъ между Японіей и Китаемъ, когда мы заняли провинцію Или, Усинскій край, когда мы наложили наконецъ, свою руку на Ляодунъ и Сѣверную Маньчжурію. Но какъ ни мягко отчуждали мы одну за другой эти китайскія земли, чувство горечи не могло не отравлять отношенія къ намъ китайскаго народа. И если, пораженные подавляющей силой европейской военной техники, китайцы отдавали намъ безъ боя то, чѣмъ завладѣть могли бы мы при помощи оружія, то это въ сознаніи китайцевъ не дѣлало различія между нами и другими „бѣлыми дьяволами“.

По мѣрѣ того какъ европейцы, и мы въ томъ числѣ, расхищали Китай, въ немъ зрѣло глубокое негодованіе противъ всего иноземнаго. На почвѣ оскорбленнаго народнаго чувства стали возникать различныя общества, вродѣ „Бѣлой Лиліи“, „Братьевъ Хонъ-Лянъ“ и др., которыя проповѣдовали поголовное избіеніе иностранцевъ, Китайскія деревни стали наводняться патріотической литературой и возбужденіе интеллигентныхъ слоевъ передалось въ самые отдаленные и самые глухіе углы Китая. Возникло боксерское возстаніе, которое было подавлено соединенными экспедиціями европейскихъ державъ и Японіи. Вслѣдъ за тѣмъ русско-японская война показала, что европейское оружіе вовсе уже не такъ неуязвимо, какъ казалось китайцамъ. Маленькій народъ островитянъ побѣдилъ могучаго сѣвернаго колосса, передъ которымъ почти триста лѣтъ трепеталъ многомилліонный Китай.

Это было послѣднимъ толчкомъ для пробуждающагося

національнаго чувства. Срединная Имперія сознала, что „Китай только для китайцевъ“ и дружный бойкотъ японскихъ товаровъ вслѣдствіе унизительнаго шага оффиціальной китайской дипломатіи, показалъ, что китайскій народъ, въ великомъ національномъ вопросѣ, не склоненъ считаться не только со своими учителями японцами, но даже и съ собственнымъ правительствомъ, если его политика идетъ наперекоръ народному самосознанію.

Пока Китай молчитъ и молчаливо, но съ необычной, прямотаки сказочной энергіей работаетъ надъ своимъ внутреннимъ устроеніемъ. Падаютъ длинныя традиціонныя косы съ головъ китайскихъ воиновъ, ихъ неуклюжія курмы замѣняются одеждой по европейскому образцу, старое вооруженіе замѣняется новымъ, согласно съ послѣднимъ словомъ военной техники, войска пріучаются къ европейскому строю, проводятся стратегическіе желѣзнодорожные пути, строятся укрѣпленія, милліоны переселенцевъ вырываютъ изъ могилъ гробы своихъ предковъ и перевозятъ ихъ прахъ въ пограничныя съ намъ и пустынныя до послѣдняго времени мѣстности, населеніе которыхъ въ какихъ нибудь три-четыре года достигло плотности шести человѣкъ на квадратную версту, тогда какъ населеніе противолежащей Амурской области не превышаетъ плотности 0,5.

Въ то же время въ милліонахъ экземпляровъ распространяются среди китайцевъ, по ту и по другую сторону Амура, т.-е. и въ нашихъ предѣлахъ, китайскія книжки о бѣдствіяхъ и униженіяхъ, которыя претерпѣлъ Китай, во время боксерскаго возстанія и послѣдней русско-японской войны. При поголовной почти грамотности, брошюры эти читаются всѣми, начиная отъ интеллигента и кончая послѣднимъ кули—переносчикомъ тяжестей. Ремесленники, не имѣющіе времени для чтенія, нанимаютъ чтецовъ или читаютъ поочередно, пока другіе работаютъ, про все, что претерпѣлъ Китай отъ иноземцевъ. Читается это нараспѣвъ, внятнымъ, медлительнымъ речитативомъ, въ которомъ ни одно слово не ускользаетъ отъ вниманія молчаливыхъ слушателей, постоянно сохраняющихъ на своемъ лицѣ безстрастное выраженіе погруженныхъ въ свое дѣло рабочихъ. Чтецъ, съ круглыми очками на носу,

по внѣшнему виду, также безстрастенъ какъ и его слушатели, но по нервнымъ переливамъ спокойнаго обычно речитатива легко понять, что онъ будитъ своихъ слушателей въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя заслуживаютъ ихъ наибольшаго вниманія. Простолюдинъ, по недостатку времени имѣющій мало общенія съ книгой, обыкновенно, чуть не наизусть помнитъ, что удалось ему прочесть, а потому легко понять, какимъ тяжелымъ свинцомъ внѣдряется въ мозгъ и въ сердце безстрастныхъ по виду, но до фанатизма преданныхъ національной идеѣ слушателей этотъ оттѣняемый въ извѣстныхъ мѣстахъ речитативъ.

Трудно, конечно, думать, чтобы Китай въ ближайшемъ будущемъ объявилъ намъ войну. Онъ можетъ опасаться встрѣтить противъ себя цѣлую коалицію державъ, такъ какъ выступленіе противъ какой либо одной изъ нихъ можетъ быть встрѣчено, какъ перчатка, брошенная всей бѣлой расѣ. Но политика не всегда находится въ рукахъ правительства. Національныя страсти внѣ расчетовъ и внѣ управленія дипломатовъ по ремеслу. Національное самосознаніе дѣлаетъ въ Китаѣ такіе громадные и такіе быстрые успѣхи, что никакъ нельзя предвидѣть когда и по какому поводу чаша національнаго терпѣнія окажется переполненной горечью сознанія своей зависимости отъ иностранцевъ.

Нельзя забывать, что едва-ли во всемъ мірѣ найдется народъ, который, при всемъ различіи быта и религіи входящихъ въ составъ его племенъ, былъ бы настолько сплоченъ сознаніемъ единства своей національности, и что вмѣстѣ съ тѣмъ народъ этотъ отличается развитой на почвѣ кооперації необычайной дисциплинированностью. При этихъ двухъ качествахъ и при той децентрализаціи управленія, какая существуетъ въ Китаѣ, совершенно невозможно расчитывать, чтобы правительство въ состояніи было противостоять или, по крайней мѣрѣ, регулировать народныя страсти, если онѣ разыграются на почвѣ націонализма.

Другимъ опаснымъ факторомъ современнаго Китая являются многочисленныя противодинастическія тайныя общества, дѣятельность которыхъ, по временамъ, затихаетъ, но никогда не прекращается. По отзывамъ свѣдущихъ людей, они ра-

стутъ, какъ грибы, особенно въ послѣдніе годы. „Ге-минъданъ", во главѣ которой стоитъ докторъ Сунъ-Венъ, насчитывающая свыше 200 тысячъ активныхъ дѣятелей, секта „Пай-Манъ" и многія другія, не менѣе вліятельныя тайныя общества служатъ постоянной угрозой маньчжурской династіи, и еслибы антидинастическое движеніе, дѣйствительно, вспыхнуло въ Китаѣ, то легко можно ожидать, что его правительство постарается отвлечь народный патріотизмъ совсѣмъ въ другую сторону—въ сферу компенсаціи насчетъ представителей бѣлой расы попраннаго чувства его національнаго достоинства.

Прибавимъ къ этому непрекращающееся вооруженіе Японіи, шовинизмъ нѣкоторыхъ ея классовъ, неудовлетворенность результатами войны, ея политику въ Маньчжуріи, и мы поймемъ, до чего неустойчиво въ настоящее время политическое положеніе на Дальнемъ Востокѣ. Каждый день оно угрожаетъ намъ осложненіями, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни предотвратить, и поэтому понятно то тревожное настроеніе, которое охватываетъ приамурцевъ каждый разъ, какъ только появятся тучки на мѣстномъ политическомъ горизонтѣ. Эти тревоги особенно свойственны жителямъ городовъ, которые переполнены китайцами. Изъ 69 тысячъ числившихся въ 1907 году въ Приморской области китайцевъ 56,5 тысячъ, или около 82,5%, проживало въ городахъ, а потому нѣтъ дома, въ которомъ, въ числѣ прислуги, не было бы китайца въ качествѣ боя, повара, рабочаго или няньки, обязанности которыхъ исполняютъ малолѣтніе китайчата. По данному сигналу, можетъ вспыхнуть одновременное возстаніе китайцевъ въ Приамурскомъ краѣ, и все населеніе городовъ можетъ быть въ одну ночь перерѣзано ими при содѣйствіи прислуги. Мы видѣли примѣръ такого возстанія въ манзовской войнѣ и ничто не гарантируетъ насъ отъ повторенія этого опыта теперь, но въ гораздо болѣе грандіозномъ размѣрѣ.

Обратимся однако къ цифрамъ. По даннымъ о поступившихъ за визу китайскихъ и корейскихъ паспортовъ суммахъ, въ Приморской области проживало въ 1906 г. 96.852 человѣка пришлыхъ желтокожихъ мужчинъ рабочаго

возраста, т.-е. отъ 15 до 50 лѣтъ. Но это число далеко ниже дѣйствительнаго, такъ какъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, число безпаспортныхъ китайцевъ и корейцевъ составляетъ не менѣе 30% проживающихъ по паспортамъ. Слѣдовательно, общее число пришельцевъ желтой расы составляло въ этомъ году приблизительно около 130 тысячъ человѣкъ. Въ тоже время число русскихъ мужчинъ соотвѣтствующаго возраста насчитывалось, тоже приблизительно, около 115½ тысячъ человѣкъ. Если сравнить эти цифры, то возможность всеобщей кровавой бани, по крайней мѣрѣ въ городахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, китайцы скучены по преимуществу и въ лѣтнее время превышаютъ коренное населеніе, вовсе не покажется невѣроятной, въ особенности, когда войска будутъ отвлечены военными дѣйствіями.

Чтобы закончить рѣчь о „китайской опасности", необходимо отмѣтить еще тотъ фактъ, что постоянно проживающіе въ краѣ китайцы прекрасно и во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ изучили топографію края. Они знаютъ каждый ручей, каждый пригорокъ, каждую таежную тропу, а потому, на случай войны, могутъ явиться наилучшими лазутчиками и проводниками.

Въ противоположность китайцамъ, корейцы не отличаются какой либо исключительной обособленностью. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они туго воспринимаютъ языкъ, вѣру и обычаи русскихъ, но въ этомъ виноваты тѣ, кто разселилъ ихъ въ краѣ не только отдѣльными, совершенно обособленными селеніями, но даже сплошными волостями. Эта географическая обособленность, при недостаткѣ знающихъ корейскій языкъ миссіонеровъ и учителей, является главнѣйшей причиной и ихъ духовной отчужденности. Но тамъ, гдѣ группы корейскихъ семей поселились среди русскихъ селеній, они усваиваютъ русскій языкъ, одежду, нравы и охотно посылаютъ дѣтей въ русскія школы. Даже о тѣхъ корейцахъ, которые живутъотдѣльными деревнями, должно сказать, что они вовсе не чуждаются русскихъ, и степень ихъ ассимиляціи съ нами вполнѣ соотвѣтствуетъ съ одной стороны продолжительности ихъ пребыванія въ краѣ, а съ другой—степени ихъ изолированности. Въ тѣхъ корейскихъ деревняхъ, которыя окружены

русскими, замѣтнѣе и обрусѣніе корейцевъ. Въ общемъ же должно сказать, что разница въ экономическомъ и политическомъ укладѣ въ Кореѣ и у насъ весьма отчетливо сознается корейцами, которые, перейдя въ русское подданство, навсегда порвали со своею родиной, считаютъ пріютившую ихъ Россію своимъ настоящимъ отечествомъ и чужды всякихъ національстическихъ стремленій.

VIII.

Мѣры борьбы съ внѣдреніемъ желтой расы.

Разбродъ мнѣній по этому вопросу. Бюро труда. Запрещеніе найма иностранцевъ на золотые промыслы. Мѣры общаго характера для облегченія русской торговли и примѣненіе законовъ о ростовщичествѣ къ торгующимъ среди инородцевъ. Воспрещеніе аренды земель иностранцамъ. Допущеніе корейцевъ русскихъ подданныхъ къ поселенію на признанныхъ неудобными участкахъ. Культурныя мѣры для ассимиляціи съ нами корейцевъ. Заключеніе.

Вопросъ о борьбѣ съ наплывомъ желтой расы въ Приамурье далеко не новый. Частично онъ поднятъ былъ еще въ 1886 году, на первомъ Хабаровскомъ съѣздѣ, когда, съ цѣлью устраненія вреднаго вліянія на инородцевъ,—всѣхъ живущихъ внѣ предѣловъ 50 ти верстной полосы китайцевъ предполагалось выселить изъ предѣловъ Имперіи. Съ начала девятидесятыхъ годовъ поднимается вопросъ объ устраненіи китайцевъ съ золотыхъ промысловъ. По мѣрѣ развитія движенія переселенцевъ и ищущихъ отхожихъ заработковъ сезонныхъ рабочихъ, все острѣе выдвигается вопросъ объ экономическомъ значеніи конкуренціи съ ними желтой расы. Наконецъ, послѣ боксерскаго возстанія и русско-японской войны грознымъ призракомъ выросло передъ нами и политическое значеніе ея внѣдренія въ наши предѣлы.

Однако, не смотря на то, что вопросъ этотъ обсуждается уже болѣе 20 лѣтъ, онъ продолжаетъ оставаться для насъ загадкой, и мы до сихъ поръ не выяснили даже того, какой политики слѣдуетъ намъ держаться въ борьбѣ съ внѣдреніемъ желтой расы. Правительственный законопроектъ, носящій исчерпывающее названіе: „о мѣрахъ противъ наплыва

въ Приамурскій край китайцевъ и корейцевъ, а равно лицъ иностраннаго подданства" ничего не даетъ, кромѣ новыхъ паспортныхъ правилъ и усиленія штата мѣстной полиціи. Разбродъ мнѣній о мѣрахъ борьбы съ желтой расой особенно ярко сказался въ протоколѣ засѣданія Финансовой Коммиссіи Государственной Думы 17 февраля 1909 года, гдѣ, послѣ частичныхъ поправокъ къ правительственному законопроекту, она остановилась на десятирублевомъ обложеніи китайскихъ и корейскихъ паспортовъ, какъ на мѣрѣ, могущей ограничить наплывъ къ намъ представителей желтой расы.

Хотя несомнѣнно, что упорядоченіе паспортной системы для лицъ желтой расы необходимо, но не трудно доказать, что ни примѣненіе болѣе строгихъ правилъ, ни высокое налоговое обложеніе особымъ паспортнымъ сборомъ не могутъ имѣть хоть сколько нибудь замѣтнаго вліянія на иммиграцію къ намъ желтой расы.

Недостаточность полицейскаго надзора вынудила насъ назначить опредѣленные пункты для перехода корейцами и китайцами нашей границы. Такихъ пунктовъ въ Приморской области 8, а въ Амурской 7, итого 15 пунктовъ для всей нашей трехтысячеверстной границы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ бы ни увеличивали мы составъ полицейской охраны и число переходныхъ пунктовъ, мы не въ состояніи ни воспрепятствовать китайцамъ переходить границу внѣ этихъ пунктовъ, ни услѣдить за тѣми, кто нарушаетъ правила о переходѣ границы. Наконецъ, даже самое строгое соблюденіе паспортныхъ правилъ нисколько не гарантируетъ насъ отъ проникновенія неблагонадежныхъ элементовъ, такъ какъ за границей у китайцевъ существуютъ особыя паспортныя бюро, гдѣ за плату каждый желающій можетъ пріобрѣсти подложный паспортъ на несуществующее въ дѣйствительности лицо.

Что касается повышенія паспортнаго сбора, какъ мѣры, вызывающей необходимость повышенія заработной платы и ограничивающей наплывъ желтой расы, то, въ видѣ характеристики цѣлесообразности этой мѣры, позволю себѣ привести слѣдующій фактъ. Въ Николаевскѣ на Амурѣ подрядчикъ китаецъ поставлялъ Амурскому обществу пароходства и торговли рабочихъ по 1 р. и по 1 р. 25 к. въ день и, поль-

зуясь незнаніемъ ими русскаго языка, самъ расчитывалъ ихъ по гривеннику. До какой же высоты слѣдуетъ поднять паспортный налогъ, чтобы вызвать необходимость повышенія китайцами заработной платы до одного съ русскими уровня, если они способны до такой степени сжимать свои потребности, что могутъ довольствоваться гривенникомъ въ день?

Трудность удовлетворительнаго разрѣшенія желтаго вопроса заключается прежде всего въ его сложности, а затѣмъ въ томъ, что никакихъ крутыхъ, сразу исчерпывающихъ содержаніе вопроса мѣръ мы принять не можемъ, такъ какъ и наша политическая конъюнктура на Востокѣ и наши договоры съ Китаемъ, и недостатокъ рабочихъ рукъ въ Приамурьѣ, и тѣ экономическія отношенія, которыя сложились между приграничнымъ русскимъ и китайскимъ населеніемъ не позволяютъ намъ принять какія либо агрессивныя мѣры по отношенію къ китайцамъ. Мы, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ не имѣемъ покосовъ на своей сторонѣ и вынуждены нанимать ихъ у китайцевъ, что возможно, конечно, лишь при добрососѣдскихъ отношеніяхъ, пока они не претерпѣваютъ никакихъ осложненій. Однимъ словомъ, желтый вопросъ есть палка о двухъ концахъ и, при неумѣньи владѣть ею, мы можемъ собственными своими руками нанести себѣ такой ударъ, отъ котораго намъ придется долго и много лѣчиться.

Намъ кажется, однако, что для примѣненія какихъ либо крутыхъ мѣръ и не представляется никакой необходимости, такъ какъ въ главной своей части вопросъ можетъ быть разрѣшенъ почти исключительно на почвѣ мирной борьбы въ сферѣ экономическихъ отношеній. Въ предыдущихъ главахъ мы старались расчленить сложный желтый вопросъ на его составныя части, на рядъ отдѣльныхъ, болѣе простыхъ, вопросовъ. Посмотримъ же, какъ могъ бы быть разрѣшенъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Мы видѣли, что русскій рабочій находится внѣ конкуренціи съ китайскимъ въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ требуется ловкость и снаровка или болѣе высокая напряженность работы. Но русскіе рабочіе, въ противоположность китайцамъ, не организованы. У нихъ нѣтъ артелей, которыя

были бы отвѣтственны передъ работодателемъ за правильность и срочность исполненія работы, а потому китайцамъ и оказывается предпочтеніе. О какой либо общей организаціи, которая вѣдала бы вопросы о спросѣ и предложеніи труда во всемъ краѣ, конечно, нечего и говорить. Вслѣдствіе этого, особенно въ послѣдніе годы, когда постройка Амурской дороги вызвала громадный наплывъ въ край рабочихъ, цѣлыя толпы ихъ, не найдя примѣненія своему труду на дорогѣ, бродятъ по краю и христарадничаютъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по необходимости, вынуждены нанимать китайцевъ, за неимѣніемъ русскихъ.

Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость созданія въ краѣ общей организаціи—бюро труда, которое слѣдило бы за спросомъ на рабочія руки, вело бы сношенія съ земскими организаціями въ Европейской Россіи и направляло бы рабочихъ въ тѣ мѣста, гдѣ на нихъ имѣется наибольшій спросъ. Филіальныя отдѣленія этого бюро должны быть во всѣхъ городахъ, какъ мѣстахъ наибольшаго спроса на трудъ. Они должны взять на себя организацію рабочихъ въ отвѣтственныя передъ работодателями артели, выработку нормальной трудовой таксы и посредничество между работодателями и артелями.

При существованіи отвѣтственной артели, работодатель будетъ гарантированъ въ правильномъ выполненіи ея обязательствъ, а потому предпочтетъ, какъ болѣе спорый, трудъ русскаго рабочаго болѣе дешевому, но вялому труду китайцевъ. О недостаткѣ русскихъ рабочихъ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ уже и теперь притокъ ихъ на Амуръ съ каждымъ годомъ увеличивается, начало же работъ по постройкѣ Амурской желѣзной дороги воочію показало, какой громадный контингентъ рабочихъ можетъ Европейская Россія поставить для нашей окраины. Но пока эти рабочіе не организованы, до тѣхъ поръ и рѣчи быть не можетъ о какой либо планомѣрной борьбѣ съ наплывомъ желтой расы. Въ борьбѣ съ нею мы должны пользоваться одинаковымъ съ нею оружіемъ и противъ организованной силы мы должны бороться не въ одиночку а такой же организованной силой.

Мы уже видѣли, какія формы борьбы, при отсутствіи

рабочей организаціи, принимаетъ конкуренція въ области труда между желтой и бѣлой расой. Ежегодныя побоища, доходящія порою до ножовой расправы, сталкиваніе китайцевъ въ Амуръ и иныя насилія, чинимыя иногда безъ всякаго повода надъ желтыми рабочими,—вотъ въ чемъ проявляется эта конкуренція. Всѣ эти инциденты ведутъ къ совершенно ненужному и крайне вредному обострению отношеній между тѣми и другими, и въ концѣ концовъ могутъ выразиться въ рядѣ погромовъ, которые, при преобладаніи въ лѣтнее время желтаго населенія, легко могутъ обратиться противъ русскихъ, вызвать вмѣшательство войскъ и повести къ весьма серьезнымъ политическимъ осложненіямъ, чего мы, въ особенности въ настоящее время, должны всячески избѣгать.

Отсутствіе рабочей организаціи служитъ угрозою не только китайцамъ, но и самимъ работодателямъ, которые всегда находятся подъ страхомъ насилій со стороны ищущей труда русской рабочей массы. Кто видѣлъ эти толпы голоднаго и обозленнаго народа, окружающаго, въ ожиданіи наемки, конторы разныхъ предпріятій, тотъ знаетъ, что достаточно какого нибудь ничтожнаго повода—безтактнаго поступка со стороны служащихъ или рѣчи какого нибудь краснобая изъ золоторотцевъ, которому нечего ни беречь, ни терять, чтобы отъ этой конторы не осталось камня на камнѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при правильной организаціи рабочаго класса въ Приамурьѣ, острота желтаго вопроса будетъ парализована, и, въ главномъ, онъ будетъ разрѣшенъ въ пользу русскихъ. Напомнимъ, что 65% всей проживающей постоянно въ краѣ китайской массы занято черноработимъ трудомъ. Для лѣтняго времени число это должно быть увеличено, по крайней мѣрѣ, до 80—90% и, если вся эта масса или, на первое время, даже большая ея часть будетъ замѣщена русскими рабочими, то желтый вопросъ уже не будетъ такимъ грознымъ.

Организація рабочихъ артелей въ Приамурьѣ будетъ имѣть за собою еще то важное значеніе, что она оздоровитъ мѣстную рабочую среду. Отвѣтственная артель, заинтересованная въ томъ, чтобы каждый ея членъ вносилъ въ общее дѣло равную съ другими долю труда, конечно, не потерпитъ у

себя гулякъ и праздношатающихся, которые вынуждены будутъ или работать наравнѣ съ другими, или выйти изъ состава артели. Съ теченіемъ времени, когда сдѣлается общеизвѣстнымъ, что на Амурѣ имѣетъ мѣсто только артельная организація труда, наплывъ того рабочаго балласта, который въ настоящее время является столь тяжкимъ бременемъ для Приамурья и способствуетъ предпочтенію китайскихъ рабочихъ, прекратится самъ собою.

Финансовая коммиссія Государственной Думы въ своемъ докладѣ по желтому вопросу предлагаетъ воспретить въ законодательномъ порядкѣ наемъ иностранцевъ на работы, производимыя для надобностей казеннаго управленія. Это предложеніе, съ нашей точки зрѣнія, имѣетъ два недостатка. Во первыхъ, эта мѣра исчерпываетъ лишь часть вопроса о чернорабочемъ наемномъ трудѣ, а во-вторыхъ, перенося его въ сферу законодательныхъ репрессій, мы этимъ самымъ подчеркиваемъ агрессивность политики нашей въ желтомъ вопросѣ. Предлагаемая нами организація посредническихъ бюро охватываетъ гораздо болѣе широкій кругъ примѣненія рабочаго труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, перенося главную часть вопроса о борьбѣ съ желтой расой въ сферу общественной самодѣятельности, устраняетъ правительство отъ непосредственнаго и прямого вмѣшательства въ разрѣшеніе этого щекотливаго вопроса.

Къ сожалѣнію, у насъ на мѣстѣ нѣтъ такой готовой общественной организаціи, которая могла бы взять на себя руководство столь крупнымъ и имѣющимъ такое важное государственное значеніе дѣломъ. Намъ кажется, что изъ всѣхъ существующихъ въ краѣ учрежденій наиболѣе подходящимъ для организаціи бюро труда было бы переселенческое вѣдомство, которое ближе другихъ стоитъ къ трудовому люду, имѣетъ уже упрочившіяся связи съ общеземской организаціей и собственныхъ агентовъ на мѣстахъ. При участіи послѣдней и представителей городовъ, торгово-промышленнаго класса и рабочихъ могло бы быть положено начало указанной выше организаціи.

Переходя къ вопросу о борьбѣ съ желтой расой въ золотомъ промыслѣ, мы, къ сожалѣнію, не видимъ иныхъ средствъ

борьбы, какъ только законодательнымъ путемъ, ибо, при свободѣ найма китайцевъ, мелкіе золотопромышленники, разрабатывающіе пріиски исключительно золотничными работами, не воспользуются услугами бюро труда, такъ какъ они могутъ существовать лишь при почти даровомъ трудѣ китайцевъ и не выдержатъ болѣе высокой оплаты труда русскихъ рабочихъ.

Какъ мы уже говорили, въ цѣляхъ укрѣпленія земледѣльческаго промысла въ Приамурьѣ, муравьевскимъ приказомъ, получившимъ затѣмъ силу закона, мѣстнымъ крестьянамъ было воспрещено наниматься на пріиски. Въ соображеніяхъ политическихъ, воспрещенъ также и наемъ иностранцевъ, за исключеніемъ китайцевъ, для которыхъ была установлена эта льгота, чтобы не лишить золотой промыселъ вовсе рабочихъ. Но то, что можетъ быть и было хорошо въ свое время, около полувѣка тому назадъ, теперь уже давно устарѣло. Съ амурскихъ крестьянъ давно уже снятъ запретъ наемки на золотые промысла, а между тѣмъ разрѣшеніе найма китайскихъ рабочихъ, какъ пережитокъ старины, осталось. Но послѣ разрѣшенія амурскимъ крестьянамъ заниматься золотымъ промысломъ, утрачивается всякій смыслъ въ той привиллегіи, которая оказана китайцамъ, преимущественно передъ другими иностранцами, тѣмъ болѣе, что, какъ показалъ четверть-вѣковой опытъ, они, равно какъ и корейцы, ничего, кромѣ вреда, промыслу не приносятъ. На этомъ основаніи, я полагаю, что примѣчаніе 2 къ п. 5 приложенія къ ст. 661 Уст. Горн. должно быть измѣнено въ смыслѣ безусловнаго запрещенія всѣмъ иностраннымъ подданнымъ найма на золотые промысла.

Эта мѣра вызоветъ, конечно, вопль золотопромышленниковъ, которые не преминутъ связать свои классовые интересы съ интересами всего государства. Но этими воплями смущаться нечего. Мы видѣли изъ приведенныхъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ отзывовъ компетентныхъ лицъ, какой многообразный вредъ причиняетъ золотому промыслу участіе въ немъ желтой расы, которое выгодно лишь для разныхъ темныхъ спекулянтовъ, да еще тѣхъ золотопромышленниковъ, которыхъ единственная связь съ промысломъ заключается въ хищническомъ сниманіи пѣнокъ, безъ всякой заботы какъ

о промыслѣ, такъ и о рабочихъ. Интересы этихъ классовъ находятся въ прямомъ антагонизмѣ съ интересами государства, такъ какъ для первыхъ важнѣе всего выхватить какъ можно больше золота при наименьшихъ затратахъ труда, времени и капитала, а для второго преобладающее значеніе имѣетъ правильная и наиболѣе полная выработка металла, а потому, если, при замѣнѣ преобладающей нынѣ хищнической системы разработки пріисковъ болѣе правильной, и явится временное уменьшеніе добычи золота, то это не такъ важно. Никакими иными мѣрами невозможно достигнуть изгнанія изъ тайги того многочисленнаго элемента, промыселъ котораго весьма удачно названъ „маркитантскимъ“ и ничего общаго съ золотопромышленностью не имѣетъ. Уже одно освобожденіе тайги отъ этого сброда принесетъ громадную пользу какъ рабочему, избавивъ его отъ лишнихъ эксплуататоровъ, которые гонятъ его въ глубь тайги на хищническую добычу золота, такъ равно и самому промыслу. Что касается крупныхъ золотопромышленниковъ, то несомнѣнно, что отъ замѣны чуть не дарового желтаго труда болѣе дорогимъ трудомъ русскаго рабочаго, они потеряютъ часть своихъ прибылей, но тѣмъ скорѣе перейдутъ они къ болѣе интенсивной разработкѣ россыпей при помощи механической силы, отъ чего государство только выиграетъ.

Борьба съ китайскимъ засильемъ въ торговлѣ возможна только на почвѣ общихъ экономическихъ мѣропріятій, каковы: устройство банковъ мелкаго, дешеваго и доступнаго кредита, улучшеніе путей сообщенія, удешевленіе фрахтовъ и проч. Большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣло бы развитіе потребительскихъ кооперативовъ, а также общественныхъ, городскихъ и сельскихъ лавокъ. Но при современной организаціи городскихъ общественныхъ управленій, гдѣ преобладаютъ представители капитала, на развитіе общественныхъ лавокъ въ городахъ расчитывать невозможно. Говоря о торговлѣ, нельзя не отмѣтить, какъ весьма цѣлесообразной мѣры, предложеніе Финансовой Коммиссіи—воспретить сдачу иностранцамъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ, но это могло бы съ большимъ удобствомъ быть проведено путемъ административнаго распоряженія.

Что касается китайцевъ, ведущихъ торговлю съ инородцами, то такъ какъ вся эта торговля основана исключительно на ростовщическомъ началѣ, то и борьба съ нею должна состоять въ примѣненіи къ ней законовъ о ростовщичествѣ, съ послѣдующею высылкою уличенныхъ въ такой торговлѣ изъ предѣловъ имперіи. При этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ, выиграетъ-ли что нибудь, освободившись отъ китайской кабалы, инородецъ, весь бытъ котораго, бытъ бродячаго звѣролова, сложился такимъ образомъ, что онъ не можетъ существовать безъ кредита и долженъ или умереть съ голоду или, за неимѣніемъ китайца, идти въ кабалу къ русскому скупщику пушнины? Вопросъ этотъ поднимался въ 1886 году на первомъ хабаровскомъ съѣздѣ и тогда предполагалось учреждать въ мѣстахъ обитанія инородцевъ казенные товарные склады, изъ которыхъ инородецъ могъ бы пріобрѣтать необходимые ему предметы въ кредитъ, съ надбавкою 20% на стоимость товаровъ. По идеѣ, мѣра эта очень хорошая, и осуществленіе ея могло бы взять на себя также переселенческое управленіе, которое имѣетъ за собою опытъ устройства лавокъ для переселенцевъ. Но однихъ лавокъ или складовъ для снабженія инородцевъ необходимыми предметами въ кредитъ еще недостаточно. Необходимо, чтобы эти склады принимали на себя и коммиссію по продажѣ добытой ими пушнины, а сдѣлать это не такъ трудно, учреждая въ городахъ аукціоны. Часть вырученныхъ на этихъ аукціонахъ отъ продажи пушнины денегъ шла бы въ уплату за полученные въ кредитъ предметы, а остальное поступало бы въ пользу инородцевъ. Такой порядокъ имѣлъ бы двойную выгоду: кредитъ инородцевъ былъ бы вполнѣ обезпеченъ добытой пушниной, а инородецъ былъ бы спасенъ изъ сѣтей скупщиковъ, которые его спаиваютъ и берутъ пушнину по цѣнамъ далеко ниже ея стоимости. Одной этой, попутно проведенной, мѣры, быть можетъ, было бы достаточно, чтобы пріостановить быстро идущій впередъ процессъ вымиранія инородцевъ, на который ошибочно смотрятъ, какъ на неизбѣжный спутникъ культуры, не замѣчая, какое непримиримое противорѣчіе заключается въ причинномъ сопоставленіи понятій — „вымираніе“ и „культура“.

Изъ всего, что было сказано нами о роли желтой расы въ области сельскаго хозяйства, очевидно, что нашъ собственный интересъ побуждаетъ насъ не только не ставить препятствій желтокожимъ земледѣльцамъ, но оказывать имъ въ этой сферѣ всяческое содѣйствіе. У насъ не мало земельныхъ участковъ, садиться на которыхъ отказывается русскій переселенецъ, но которые съ восторгомъ заняли бы корейцы, потому что, по мѣткому выраженію А. А. Кауфмана, они „пашутъ и камень, и глину, и горы". Отчего не предоставить имъ этихъ участковъ, подъ условіемъ перехода въ русское подданство? Вѣдь всякій, приведенный въ культурное состояніе клочокъ земли является плюсомъ въ нашу пользу, тѣмъ болѣе, что безъ корейцевъ нѣтъ никакой надежды, чтобы признанные неудобными участки когда-нибудь, или, по крайней мѣрѣ въ невесьма отдаленномъ будущемъ, были заняты русскими переселенцами. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, мы не въ состояніи обезпечить себя хлѣбомъ на пропитаніе. Отказываться при такихъ условіяхъ увеличить площадь пашни на все то количество земель, которое намъ самимъ не нужно, есть, конечно, экономическая несообразность и можетъ быть допущена лишь по глубокому недоразумѣнію.

Аренда выходцами желтой расы крестьянскихъ земель есть несомнѣнное зло, такъ какъ этотъ видъ эксплоатаціи земельныхъ угодій лишь развращаетъ крестьянъ, пріучая ихъ къ тунеядству, къ жизни безъ труда, насчетъ своихъ желтыхъ арендаторовъ. Такое пользованіе угодьями противорѣчитъ и крестьянскому правосознанію, которое видитъ въ арендѣ принадлежащихъ всей общинѣ земель нарушеніе равномѣрности пользованія ими и стремится, особенно въ послѣднее время, къ запрещенію арендныхъ договорныхъ отношеній между своими однообщественниками и посторонними лицами. Приговоры въ этомъ смыслѣ состоялись въ 1908 г. въ селахъ Покровскомъ, Красноярскомъ и Воздвиженскомъ и теченіе противъ аренды начинаетъ принимать болѣе или менѣе общій характеръ. Такимъ образомъ воспрещеніе сдачи крестьянскихъ земель иностранцамъ было бы лишь завершеніемъ того процесса, который совершенно самостоятельно уже начался въ крестьянской средѣ. Осѣвшихъ на арендованной землѣ

корейцевъ, чтобы не разорять ихъ хозяйствъ, можно было бы надѣлить землею гдѣ-нибудь въ сѣверной части Уссурійскаго края, или даже въ Амурской области, а еще предпочтительнѣе было бы приселить ихъ къ русскимъ селеніямъ, гдѣ ихъ участки могли бы сослужить для крестьянъ роль показательныхъ станцій китайской культуры, при чемъ и ассимиляція ихъ съ русскимъ населеніемъ совершилась бы быстрѣе.

Говоря объ арендѣ земель, нельзя пройти молчаніемъ предположеній по этому предмету финансовой комиссіи Государственной Думы. По ея мнѣнію, необходимо „воспретить въ предѣлахъ Приамурскаго генералъ-губернаторства и Забайкальской области сдачу казенныхъ земель для поселенія лицами, состоящими въ иностранномъ подданствѣ, а равно сдачу въ аренду тѣмъ же лицамъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей". Первая часть этого предположенія совершенно противорѣчитъ высказаннымъ нами ранѣе соображеніямъ, а потому не будемъ повторять здѣсь того, что уже было сказано въ пользу необходимости отвода земель переходящимъ въ русское подданство земледѣльцамъ желтой расы. Что же касается второй части, то трудно понять, почему коммиссія говоритъ только о казенныхъ земляхъ, подъ каковымъ терминомъ, повидимому, слѣдуетъ понимать лишь никѣмъ не занятыя земли, и ни слова не говоритъ ни о земляхъ крестьянскихъ, ни о состоящихъ въ частномъ владѣніи, которыя, по преимуществу, и сдаются въ аренду корейцамъ и китайцамъ. Намъ казалось бы, что такъ какъ прочное внѣдреніе иностранцевъ въ окраиномъ раіонѣ, по причинамъ политическимъ, вообще нежелательно, то пріобрѣтеніе ими земли въ собственность должно быть воспрещено безусловно, что же касается аренды земли, то таковая можетъ быть разрѣшена лишь для промысловъ неземледѣльческихъ.

Мы уже говорили, что изолированность корейцевъ и слабая ассимиляція ихъ съ русскими находятся въ прямой зависимости отъ ихъ расселенія цѣлыми селеніями и даже волостями, почему имъ не приходится сталкиваться съ русскими такъ часто, какъ тѣмъ, которые поселились вмѣстѣ съ нашими крестьянами и которые сдѣлали уже значительные успѣхи въ своемъ сближеніи съ ними. Поправить этой ошибки теперь

уже нельзя, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые участки, какъ напримѣръ смежный съ Кореей Посьетскій участокъ, или земли около Хабаровска, крайне неблагопріятны для поселенія на нихъ русскихъ и могутъ быть обрабатываемы только при примѣненіи корейской системы полеводства. Но тѣмъ необходимѣе обратить на эти участки и вообще на корейскія отдѣльныя поселенія особое вниманіе и позаботиться о проведеніи въ нихъ европейской культуры и просвѣщенія. Для этого прежде всего необходимо устройство русско-корейскихъ школъ, учителя которыхъ должны обязательно владѣть и разговорной и письменной рѣчью на обоихъ языкахъ. Такое же требованіе необходимо примѣнять и къ корейскимъ миссіонерамъ.

Заканчивая свой докладъ, не могу не подчеркнуть, что и законопроектъ и докладъ финансовой коммиссіи основываются оба на совершенно неправильныхъ представленіяхъ о политическомъ значеніи для насъ китайцевъ и корейцевъ. При непосредственномъ знакомствѣ съ тѣми и другими, китайцы производятъ, безспорно, лучшее впечатлѣніе, чѣмъ корейцы. Они гораздо культурнѣе, услужливѣе, развитѣе и честнѣе корейцевъ. Послѣдніе хитры, вороваты и склонны къ пьянству. Но когда приходится оцѣнивать политическое и экономическое значеніе тѣхъ и другихъ, то несомнѣнно, что предпочтеніе должно быть отдано корейцамъ. Въ то время какъ китаецъ представляетъ вѣчно угрожающую намъ и крупную политическую силу и чуть не во всѣхъ отрасляхъ труда является опаснымъ конкурентомъ нашему рабочему, кореецъ не дорожитъ своей порабощенной отчизной, никакихъ политическихъ замысловъ противъ насъ имѣть не можетъ и прилежитъ, главнымъ образомъ, къ земледѣльческому промыслу, являясь необходимымъ факторомъ его развитія и даже самаго существованія. Въ виду этого преимущественное преслѣдованіе корейцевъ является громадной важности политической ошибкой и можетъ быть объяснено или слабой освѣдомленностью о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на мѣстѣ, или преднамѣреннымъ стремленіемъ направить свой путь по линіи наименьшаго сопротивленія.

1 ноября
1909 г.

БИБЛІОТЕКА
В.С.Н.Х.